

Дурное поведение

Автор:

Пенелопа Дуглас

Дурное поведение

Пенелопа Дуглас

#NewRomance

Шесть месяцев назад Истон Брэдбери оказалась на карнавале, где встретила Тайлера Марека, и между ними проскочила искра. Праздник закончился, и каждый пошел своей дорогой.

Теперь девушка работает в частной школе, пытаясь начать новую жизнь. Каково же ее удивление, когда она узнает, что Тайлер – отец одного из ее учеников.

Хотеть его – это табу, но Истон не может отрицать, что нуждается в нем. Однако некоторые секреты должны оставаться в тайне, несмотря ни на что, иначе катастрофических последствий не избежать.

Пенелопа Дуглас

Дурное поведение

Посвящается нашим учителям...

Любовь – это игра, в которую могут играть двое и оба выигрывать.

Эва Габор

Penelope Douglas

Misconduct

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Copyright © Penelope Douglas, 2015

© В. Коваленко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

Истон

Эта вечеринка отличалась от всех остальных празднований Марди Гра[1 - Марди Гра (Mardi Gras) – традиционный карнавальный веселый праздник, который является мировым аналогом Масленицы (здесь и далее прим. пер.).], на которых устраивали костюмированные парады. Атмосфера здесь царила совершенно иная.

Я оценивающе наблюдала за богатыми и влиятельными гостями: имена и связи говорили о них даже больше, чем университетские дипломы или должности. И хотя все вокруг меня, казалось, вели себя непринужденно – на мой взгляд, благодаря обилию шампанского, – это была просто еще одна маска.

Здесь не отдыхали, а работали. Народ заключал сделки и приобретал новые связи. Политиков тоже было немало – они неизменно находились на своем посту.

Но все же... в воздухе проскакивали искры. В конце концов, это же Марди Гра в Новом Орлеане! То самое время года, когда местные жители бегут из города, а волны туристов наводняют улицы, и поездка, обычно занимающая пятнадцать минут, растягивается на три часа из-за бесконечных шествий, перекрывающих дороги.

В течение каждого сезона Марди Гра в городе и его окрестностях проходило от сорока до пятидесяти парадов, и на каждом присутствовала «Крю» – некоммерческая организация, на чьи средства украшали платформы для шествий, которые стоили до восьмидесяти тысяч долларов. Сами члены этой организации могли скрывать лица под масками, пока бросали бусы и другие безделушки в море протянутых рук кричащей толпы.

На этой вечеринке собрались самые значимые представители «Крю», практически аристократы, если учесть их деньги и политические связи. Адвокаты, руководители компаний, судьи... Все, кто хоть что-то из себя представлял, присутствовали здесь сегодня. Вот почему мой брат принял приглашение. Джек знал, что общество Нового Орлеана похоже на покрытый глазурью пончик: нужно раскусить твердую оболочку, чтобы добраться до самого вкусного.

Переговоры велись не на заседаниях совета или в офисах, а за бокалом «Чиваса» в сигарном баре или во время поедания десяти фунтов лангустов в пропахшей морепродуктами забегаловке во Французском квартале под звуки каллиопа[2 - Каллиопа – паровой орган, использующий локомотивные или пароходные гудки.] с парохода «Натчез», долетающие сквозь распахнутые стеклянные двери. Люди больше верили в ту чушь, что вы несли, будучи нетрезвым, а не вашей подписи.

Вот почему я люблю этот город.

Он пережил много бурь в прошлом – из крови, пота, музыки, агонии и смерти от рук людей, которые оказались на дне, но сумели взять реванш.

Слегка улыбнувшись официанту, я взяла еще один бокал шампанского с подноса и стала рассматривать репродукцию картины Дега. «Холст, расписанный маслом, быстро сгорает. Очень быстро», – размышляла я, ощущая, как бокал леденит пальцы.

Боже, какая скука! Раз уж я начала представлять, как предметы горят в огне, значит, пора идти спать.

Но тут я бедром ощутила вибрацию телефона и выпрямилась, снова отходя от картины.

– Джек, – прошептала я, поставив бокал на высокий круглый стол и приподнимая подол платья, чтобы достать телефон, прикрепленный специальным ремешком к бедру – терпеть не могу таскать с собой сумочки, а поскольку пришла сюда с братом, у которого имелись при себе кредитные карты, все, что мне требовалось, – лишь спрятать куда-либо мобильный телефон.

Проведя пальцем по экрану, я нажала на уведомление о новом сообщении.

«Если ты кому-нибудь нагрубишь, мое будущее будет разрушено».

Я вскинула голову и невольно улыбнулась, оглядывая банкетный зал. Мой брат стоял в компании важных персон, но смотрел на меня, ухмыляясь и приподняв бровь в знак предупреждения.

«Я?» – написала я в ответ и взглянула на него с наигранной обидой.

Он прочитал сообщение и, усмехнувшись, покачал головой.

«Я знаю, на что ты способна, Истон».

Я закатила глаза, но мысленно улыбнулась.

Джек определенно хорошо меня знал.

Но ему следовало бы знать меня еще лучше. Я никогда не подведу своего брата. Возможно, у меня такой же вспыльчивый характер, как у отца, и в некоторых ситуациях мне, как и маме, сложно держать язык за зубами, но на меня можно положиться. Когда брат нуждался во мне, я не задавала вопросов и была рядом. Ради него я готова была вытерпеть все что угодно.

«Я выдержу», – ответила я, глядя в его озорные карие глаза.

Джек был на три года старше меня и доучивался на третьем курсе юридического факультета в Тулейне. Он снова и снова таскал меня на благотворительные мероприятия, официальные обеды и праздничные вечеринки, внедряясь в новоорлеанскую элиту, налаживая связи и выстраивая отношения. И все для того, чтобы получить выгодное приглашение на работу после выпуска, до которого оставалось чуть больше года.

Я терпеть не могла тратить время на вещи, которые меня не интересовали, но у Джека не было подружки, которая взяла бы на себя эти скучные обязанности, поэтому он часто привлекал меня к роли безропотной «плюс один».

«Найди себе игрушку, – поддразнил он, – и не пачкайся».

Я вызывающе посмотрела на него, изогнув бровь и надеясь, что он это увидит. Даже сквозь мою черную металлическую полумаску.

«Как пожелаешь...»

Я насмешливо сверкнула глазами.

Когда мы только приехали, я держалась возле Джека, пока он разгуливал по залу и общался, но потом разговор зашел о судебных ошибках и смягчающих обстоятельствах. Вот тогда-то я и сбежала, предпочитая бродить и размышлять в одиночестве, а не натянуто улыбаться и кивать, как будто мне интересна тема беседы.

Но теперь, оглядывая толпу и пытаясь последовать совету Джека заняться чем-нибудь (или кем-нибудь), я была вынуждена признать, что даже не знаю, с чего начать.

Пусть брат чувствовал себя здесь как рыба в воде – смеялся и обменивался рукопожатиями, как свой парень, – но я слегка стушеввалась.

Присутствовала на вечеринке, но как бы не совсем.

Было время, когда мы менялись ролями.

И было время, когда я не ощущала безразличия.

Я убрала телефон обратно под ремешок на бедре. Не то чтобы он требовался мне, чтобы прятать оружие, но вещь определенно оказалась полезной.

Материя приятно скользнула по коже. Несмотря на то что стоял февраль и на улице все еще было довольно холодно, я не смогла устоять перед соблазном надеть наряд из легкой струящейся ткани. Большую часть юности я провела в кроссовках и теннисных юбках; сейчас все мужские взгляды были прикованы ко мне.

Платье обтягивало грудь и спину и спадало до самых пят, равномерно расширяясь ниже талии. Ткань была ярко-красной и отлично смотрелась с моей черной металлической полумаской с плавными изгибами и кружевным узором. Единственным украшением служила пара бриллиантовых сережек-гвоздиков, подаренных мне десять лет назад родителями в честь победы в юношеском турнире Открытого чемпионата США.

Нагнувшись, я сняла одну туфлю – ненавижу подобную обувь – и размяла ногу. В голове не укладывается, как другие женщины ежедневно ходят на каблуках – это же так неудобно.

Балансируя на одной ноге, я схватила свой бокал с шампанским. Туфля выскользнула из пальцев и свалилась на пол. Вздохнув, я наклонилась, чтобы ее поднять, но кто-то сжал мое запястье и забрал у меня бокал.

– Осторожнее, – предупредил глубокий мужской голос.

Я перевела взгляд на лужу шампанского на полу. Мужчина быстро опустился передо мной на одно колено так, чтобы не испортить брюки.

– Позвольте мне, – предложил он.

Стараясь не обращать внимания на трепет в груди, я смотрела, как он уверенным движением надевает туфлю, держа меня за лодыжку. Его пальцы были теплыми, и мое сердце забилось чаще, что вызвало волну раздражения.

Он был без маски в отличие от большинства гостей. Отец говорил, что, вероятно, такой человек не играет в игры и не испытывает необходимости сливаться с толпой. Он открыто показывает, что из себя представляет. Бесстрашный, смелый, нарушитель правил...

Мой внутренний циник, однако, сказал бы, что мужчина просто забыл свою маску дома.

Незнакомец с интересом взглянул на меня, заносчиво скривив губы. Я сразу поняла, что он старше меня.

Намного.

Судя по едва заметным морщинкам вокруг глаз, ему было лет тридцать пять. И хотя это еще не старость, рядом со мной – а мне двадцать три – он казался человеком практически из другого поколения.

Мне и это в нем понравилось. А уж если он так уверенно владеет руками, то, возможно, и языком тоже. Я имею в виду – в беседе.

Темные волосы аккуратно уложены, сшитый на заказ шерстяной смокинг настолько черный, что все остальные блекли на его фоне. Начищенные туфли сияли ярче «Ролекса», хвала за это Господу. Мужчины, выставяющие свое богатство напоказ, такие капризные.

И он был очень красив. Острый подбородок, высокие скулы, серо-голубые глаза, прямые черные брови.

Более чем красив. Обольстителен.

Мои губы тронула легкая улыбка.

– Спасибо, – вполголоса поблагодарила я, опуская ногу обратно на пол.

Его пальцы скользнули на дюйм выше по моей икре, прежде чем отпустить. По коже пробежал озноб. А он действительно смелый.

Я выдержала его взгляд – цвета облаков, полных непролитого дождя, – и затем мужчина поднялся, выпрямившись во весь рост и не делая ни малейшей попытки отодвинуться.

– Теряешь обувь, проливаешь напитки... ты всегда такая оторва? – поддразнил он меня, и тепло разлилось внизу моего живота.

– Трогаешь незнакомых женщин, бросаешь высокомерные замечания... ты всегда такой грубиян? – парировала я.

В его глазах мелькнули искорки смеха, но я не стала дожидаться ответа.

Взяв со стола свой бокал, я скользнула мимо мужчины, возвращаясь к картине. Если он такой, каким мне показался, то последует за мной. Ему придется постараться, чтобы завоевать мое внимание, пусть он меня уже заинтересовал.

Я поднесла бокал к губам, ощутила на языке холодную горечь пузырьков и почувствовала, что мужчина наблюдает за мной.

– Не похоже, что ты здесь веселишься, – заметил он, шагнув ко мне.

У его одеколona был тонкий приятный аромат, и мои веки на мгновение затрепетали.

– Напротив... – Я указала на репродукцию. – Я как раз размышляла о том, что немного бензина и одна спичка улучшат эту картину.

Он тихо рассмеялся, его глаза замерцали в тусклом свете банкетного зала.

– Все так плохо, да?

Я со вздохом кивнула.

– Плохо.

Стоя с ним бок о бок, я в полной мере оценила его комплекцию. При росте в сто семьдесят сантиметров меня нельзя назвать коротышкой, но даже на каблуках я доставала ему только до плеча. Мужчина обладал широкой грудью и мускулистыми руками – этого не мог скрыть даже смокинг.

Незнакомец посмотрел на меня сверху вниз с явным выражением превосходства.

– И часто тебя посещают пироманские фантазии? – спросил он, открыто забавляясь.

Я снова повернулась к картине, рассеянно глядя на нее и обдумывая его вопрос.

Меня посещало много фантазий, и пироманских, и прочих, но какой простушкой бы я показалась, признавшись ему в этом? Слишком банально. Не стоит поддаваться.

– Я не хочу ничего поджигать, – заверила я собеседника. – Мне просто нравится стоять посреди горящих комнат.

Я допила шампанское и повернулась, чтобы поставить бокал на стол, но мужчина остановил меня.

– И как долго бы ты так простояла? – спросил он задумчиво. – То есть до того, как попыталась бы сбежать?

– Дольше всех.

Он усмехнулся.

– А как насчет тебя? – задала я встречный вопрос. – Ты бы бросился к выходу вместе с обезумевшей толпой?

– Нет, – ответил он. – Я, естественно, уже стоял бы на улице.

Озадаченная, я прищурилась.

– В конце концов, это ведь я здесь все поджег, – прошептал он.

У меня заболела челюсть – так сильно захотелось улыбнуться. Во время разговора мужчина смотрел мне прямо в глаза. Конечно, меня интересовали не столько его ответы, сколько его способность поддерживать беседу. Я могла бы поучаствовать в светском разговоре, но все получилось гораздо веселее.

– Жаль, что тебе не нравится эта картина, – сказал он.

У меня снова завибрировал телефон, но я проигнорировала его.

– Дега – замечательный художник, – откашлявшись, заговорила я. – Он мне нравится. Во многих своих работах он стремился передать движение, а не изображать неподвижные фигуры.

– Кроме этой.

Собеседник кивком указал на полотно с изображением одинокой женщины, сидящей в баре.

– Да, кроме этой, – согласилась я, сделав жест в сторону работы под названием «Абсент». – Дега также пытался показать людей, оторванных от общества. Когда эту картину представили публике, критики называли ее уродливой и отвратительной.

– Но тебе она нравится, – заключил он.

Я медленно двинулась вдоль стены, не сомневаясь, что за мной последуют.

– Да, даже когда репродукция выполнена плохим художником, – пошутила я. – Но, к счастью, никто здесь не заметит разницы.

В ответ я услышала тихий смех. Вероятно, мужчина раздумывал, принимать ли сказанное на свой счет или нет. Впрочем, он показался мне человеком, которому на самом деле плевать на чужое мнение. Вряд ли ему хотелось добиться моего расположения. Я заметила, как его взгляд скользнул по моей спине – единственной, за исключением рук, части тела, которую не скрывали уложенные

крест-накрест слои ткани, – и опустился на бедра.

Я вышла на широкий, уставленный зажженными свечами балкон, где была почти не слышна играющая в зале музыка.

– Тебе ведь на самом деле не интересно обсуждать Дега, правда? – Я подошла к перилам, повернув голову ровно настолько, чтобы держать мужчину в поле зрения.

– Срать я хотел на Дега, – заявил он без всякого стыда. – Как тебя зовут?

– И это тебе тоже не так уж важно знать.

Он схватил меня за руку. Слегка обернувшись, я взглянула на него снизу вверх.

– Я не задаю вопросов, на которые не хочу получить ответы.

Это прозвучало как предупреждение. Я сжала пальцы в кулак, сердце пропустило удар. Хотя у меня сложилось впечатление, что этот мужчина обладает довольно игривым нравом, теперь я поняла, что он не так прост.

– Истон, – сдалась я.

Отвернувшись от него, я вцепилась в перила и сделала глубокий вдох. Запах магнолий из банкетного зала защекотал ноздри, соединившись с едва ощутимым ароматом, присущим лишь Французскому кварталу. Старое дерево, выдохшийся ликер, прелая бумага и дождь, – все это вместе рождало благоухание, едва ли не более восхитительное, чем еда, купленная во время тихой утренней прогулки в тумане по Бурбон-стрит.

– А ты не хочешь узнать мое имя?

– Я не задаю вопросов, на которые не хочу получить ответы, – невозмутимо ответила я и почувствовала, что он улыбнулся.

От вида Французского квартала у меня захватывало дух. Море людей буквально затопило Бурбон-стрит, в толпе едва хватало места, чтобы развернуться. За все

пять лет, проведенных в этом городе, мне редко доводилось созерцать подобное зрелище, так как во время Марди Гра я предпочитала посещать тусовки на Френчмен-стрит.

Но все же я испытывала благоговейный трепет. Вечерние улицы, неоновые вывески баров, джаз-клубов и ресторанов, бусы, летящие с балконов, – все это создавало красочную картину, полную света, музыки, возбуждения и голода.

Во время Марди Гра было дозволено все.

– Ешь до отвала. Пей сколько хочешь. Только заикнись, и... – я почувствовала, что мужчина придвинулся ко мне, – ...все твои желания будут удовлетворены.

Марди Гра – это карт-бланш. Одна ночь, в течение которой никаких правил не существует и можно делать все что хочешь, потому что со следующего утра – Пепельной среды – будешь замаливать грехи и очищать от них душу в течение следующих шести недель Великого поста. Я завидовала всеобщему беззаботному веселью, мечтая набраться смелости и забыть обо всем, отбросить все страхи и посмеяться над тем, чего не вспомню утром.

– Вот это столпотворение! – заметила я, наблюдая за толпой, заполонившей всю улицу, насколько хватало глаз. – Не хотела бы я оказаться в центре.

Откинув за плечо длинные темно-каштановые волосы, я повернула голову и встретилась взглядом с собеседником.

– Но мне нравится наблюдать за всей этой суматохой сверху, – призналась я ему.

– Так нельзя, – проворчал он с едва заметной улыбкой. – Каждый должен хотя бы раз испытать на себе безумие уличной толпы.

– Обходя лужи рвоты, да?

Он покачал головой и, опершись на перила, спросил:

– Так чем ты занимаешься?

– Через пару месяцев получу степень магистра, – ответила я. – В Лойоле.

На мгновение в его глазах промелькнул страх, и я тоже склонила голову набок, чтобы взглянуть на мужчину. Может быть, он решил, что я старше, чем есть на самом деле.

– Это тебя смущает? – уточнила я.

– Почему это должно меня смущать? – возразил он.

Я улыбнулась одним уголком рта.

– Ты же не просто так за мной сюда пошел. – Мы оба чертовски хорошо знали, чем может закончиться вечер для двух взрослых людей, которые приглянулись друг другу. – Я еще студентка. Во всяком случае, на ближайшую пару месяцев. Возможно, у нас нет ничего общего.

– Я бы не стал об этом беспокоиться, – самоуверенно ответил он. – До сих пор наши интересы совпадали.

Я отвернулась, испытывая искушение либо рассмеяться, либо гневно отчитать его.

– А ты чем занимаешься? – спросила я, хотя на самом деле мне было все равно.

Мужчина выпрямился и сунул руки в карманы.

– Угадай, – приказал он.

Тоже повернувшись, я смерила его взглядом.

Угадать.

Ладно...

Опустив взгляд на шею и грудь собеседника, я тщательно рассмотрела черный смокинг с шелковым галстуком, обтягивающим воротник белой рубашки. Ни один волосок не выбивался из прически моего спутника, а кожа его мужественного лица мерцала алебастром в свете свечей. Обувь была начищена до блеска, а циферблат «Ролекса» с черным ремешком отражал разноцветное сияние гирлянды, развешенной на противоположной стороне улицы.

Было практически невозможно сказать, чем он зарабатывает на жизнь, но я рискнула предположить.

Шагнув вперед, я неторопливо расстегнула его смокинг. Мой спутник опешил, наверняка задаваясь вопросом, какого черта я делаю. Глядя на него снизу вверх и стараясь дышать ровно, я медленно придвинулась ближе, почти касаясь его своим телом, а затем облизнула губы и опустила глаза.

– Что ж, – игривым тоном произнесла я, – мне хотелось назвать тебя младшим партнером, но это же ремень от Феррагамо.

Его дыхание сбилось.

– И что с того?

– А здесь обычно носят ремни от Босс или Версаче. – Я кивком указала в сторону банкетного зала, намекая на собравшихся. – Но если ты можешь потратить четыреста долларов на ремень, то мне следует сказать «старший партнер».

Он фыркнул, но не предпринял ни малейшей попытки убрать мои руки.

– Ты юрист, – пришла к выводу я.

Мужчина прищурился, разглядывая меня.

– Похоже, ты отлично разбираешься в мужских ремнях, – заметил он, – и в том, как определить достаток.

Я едва не скорчила гримасу. Он счел меня либо светской львицей, привыкшей к дорогим вещам, либо охотницей за богатыми женихами.

Я не являлась ни той, ни другой.

– Не волнуйся, – заверила я его, прислонившись спиной к перилам. – Если тебе от меня и перепадет хоть что-нибудь, то это будет бесплатно.

Его тело напряглось, и он вздернул подбородок, глядя на меня так, словно не знал, что со мной делать. Я стиснула кулаки.

Зачем я это сказала?

Мы же не в баре, откуда уходят парочками. Он флиртовал, и я флиртовала, но мне не следовало быть такой дерзкой.

Даже если очень хотелось.

Может быть, я и не завязываю отношений, но это не значит, что мне не хочется провести с кем-нибудь одну страстную ночь. И у меня слишком давно никого не было.

Мужчина шагнул вперед, и у меня перехватило дыхание, когда он встал передо мной, положив руки на перила по обе стороны от меня. Наклонившись ко мне, он тихо произнес:

– Для твоего возраста язык у тебя довольно хорошо подвешен.

А потом его взгляд упал на мои губы, и мои колени чуть не подогнулись.

– Могу заткнуться, если хочешь, – тихим голосом поддразнила его я.

Мужчина лишь ухмыльнулся.

– И в чем тогда будет веселье? – Он отошел, все еще глядя на мой рот.

Я вдохнула, ощутив, как его запах проникает в мои легкие и затуманивает разум.

– Скажи-ка, – заговорил он, – как ты догадалась, что я адвокат?

– Ну... – Я выпрямилась. – У тебя чистые ногти, значит, ты не работаешь руками. – Я подошла к каменной вазе, наполненной цветами. – Носишь дизайнерскую одежду, сшитую на заказ, значит, хорошо зарабатываешь. И это Новый Орлеан. Здесь и двух шагов не сделаешь, не наткнувшись на адвоката или студента юридического факультета.

Я коснулась мягких лепестков и ощутила, как собеседник приближается ко мне.

– Продолжай, – потребовал он. – Тогда что же привело меня сюда сегодня вечером?

Ему нравилось играть. Я едва сдерживала улыбку.

Это было странно. Я не привыкла к мужчинам, которые знают, как удержать мое внимание.

– Тебя заставили, – ответила я, представляя его таким, каким хотелось. Не похожим на тех скучных людей в зале, курящих сигары и похлопывающих друг друга по спине.

Мне хотелось, чтобы он оказался другим.

Я двинулась дальше.

– Ты ведь не знаешь никого из этих людей, а они не знают тебя, не так ли? – решила спросить я. – Тебя обязали присутствовать. Кто-то из семьи или, возможно, начальник.

Он молча наблюдал за мной, и я никак не могла понять, что у него на уме.

– Ты просто ждешь, – продолжила я, – того момента, когда можно будет вежливо уйти от навязчивых разговоров о политике, невкусной еде и тех, кого ты на дух не переносишь.

Он снова прислонился к перилам.

– Ты не находишь себе места, – подвела я итог. – Тебе хочется заняться чем-нибудь другим, но ты не уверен, что должен или можешь себе это позволить.

Я подняла глаза и встретила с ним взглядом. Мужчина молча смотрел на меня, и мне стало ужасно любопытно, о чем он думает. Ясное дело, все это время я описывала себя, но его пристальный взгляд был прикован ко мне. Задувал ветер, начинало морозить.

– А чем я займусь, когда уйду отсюда? – спросил он.

– В одиночестве ты не уйдешь, – с уверенностью ответила я. – Такой человек, как ты, вероятно, пришел с кем-то.

Он приподнял бровь, но не стал отрицать. Я ждала от него признания. Действительно ли он пришел с кем-то? Неужели у него хватило смелости подойти ко мне в присутствии другой женщины? У него нет обручального кольца, но это не означает, что он не состоит в отношениях.

– А как же ты? – Он протянул руку и пропустил прядь моих волос между пальцами. – Ты пришла с кем-то?

Я подумала о брате – телефон звонил уже дважды.

– Забудь, – вдруг передумал мужчина. – Я пока не хочу этого знать.

– Почему?

– Потому что... – Он поднял взгляд и посмотрел куда-то вдаль, поверх моей головы. – Ты отвлекаешь меня, и мне это нравится. Мне весело.

Да, и мне тоже. Впервые за весь вечер.

Гости смеялись и танцевали в банкетном зале, пока мы вдвоем уединились на балконе, где, кроме нас, почти никого не было.

– Вообще-то, мне пора возвращаться, – заметила я, отстраняясь. Брат, без сомнения, искал меня.

Но мужчина потянулся и схватил меня за руку, прищурившись.

– Еще нет, – тоном, не предполагающим возражений, сказал он, глядя в сторону банкетного зала.

Я повиновалась, не пытаюсь вырваться. Мужчина встал прямо передо мной, его грудь почти касалась моей.

– Ты права, – прошептал он, и я ощутила его дыхание на своей коже. – Я не в восторге от большинства собравшихся, и они меня совсем не знают. – Его голос стал хриплым. – Но ты мне нравишься. И я еще не готов с тобой попрощаться.

Я сглотнула, услышав тихое журчание медленной джазовой мелодии, доносившейся из помещения.

– Потанцуй со мной, – приказал мужчина.

Не дожидаясь ответа, он обвил мою талию рукой, наши тела впервые соприкоснулись. Подняв руки, я положила правую ладонь на плечо мужчины, а левую вложила в его ладонь, позволяя ему вести меня по неширокому кругу и ощущая, как близко мы находимся друг к другу. По рукам побежали мурашки, но вряд ли мой спутник это заметил. Я позволила вести себя и на мгновение закрыла глаза, не понимая, почему мне так приятно к нему прикасаться. Ноги подкашивались.

Редко когда меня так тянуло к мужчине. Я испытывала влечение и получала удовольствие от секса, но никогда не открывала кому-либо свое сердце настолько, чтобы чувствовать нас единым целым. А сейчас мне больше всего хотелось закончить вечер в объятиях этого человека. Мне не требовалось знать ни его имени, ни рода занятий, ни семейного положения. Только бы оказаться в его объятиях и получить удовольствие, и, возможно, этого хватит на несколько следующих месяцев, пока вновь не захочется кого-то еще.

Слегка потряхнув головой, я попыталась собраться с мыслями. Остынь, Истон. Он красив и интересен, но в нем нет ничего такого, чего не нашлось бы в любом другом мужчине.

Он не особенный.

– Раз уж ты не получаешь удовольствия от вечеринки, тогда чем предпочел бы заняться прямо сейчас? – спросила я, подняв взгляд на мужчину.

Он одарил меня легкой, сексуальной улыбкой.

– Мне нравится то, чем я сейчас занимаюсь.

Я закатила глаза, скрывая, как сильно мне нравятся его объятия.

– Я имею в виду, если бы меня не было рядом?

Мужчина скривил губы, притворившись, что задумчиво разглядывает меня.

– Наверное, работал бы, – ответил он задумчиво. – Я много работаю.

Так он предпочел бы работать, а не болтать и пить на банкете в честь Марди Гра? Я опустила голову и расхохоталась.

– А что? – Он пришел в замешательство.

– Ты предпочитаешь работать, – подвела я итог. – Понимаю.

Мой партнер по танцу кивнул.

– У меня непростая работа, но в то же время предсказуемая. Мне это нравится, – признался он. – Не люблю сюрпризы.

Я почти остановилась. То же самое я постоянно твердила себе. Никогда не любила сюрпризы.

– Все, кроме работы, непредсказуемо, – подхватила я. – И трудно поддается контролю.

Он наклонил голову, провел большим пальцем по моей щеке и переместил ладонь мне на затылок.

– Да, – задумчиво произнес он, наклоняясь ко мне и властно обхватив ладонью мой затылок. Затем продолжил тихим голосом: – Но бывают моменты, когда мне нравится терять контроль.

Я закрыла глаза. Боже...

– Какая у тебя фамилия? – спросил он.

Я распахнула глаза и заморгала. Фамилия? Мне вроде как нравится не выкладывать о себе всю подноготную. Я даже имени его еще не знаю.

– Истон? – потребовал ответа он.

– Зачем она тебе? – прищурилась я.

Он сделал шаг вперед, вынуждая меня попятиться, чтобы не упасть.

– Потому что я намерен познакомиться с тобой поближе.

Это прозвучало как угроза.

– Почему?

– Потому что мне нравится разговаривать с тобой. – Он чуть ли не рассмеялся.

Я врезалась в стену позади себя и остановилась, взглянув на людей, сидящих за столом напротив балкона. Мужчина сократил оставшееся между нами расстояние и склонился так, что его лицо оказалось в паре дюймов от моего. Я сцепила руки за спиной, невольно постукивая пальцами по стене и считая в уме. Раз, два, три...

– Я тебе нравлюсь? – отвлек он меня от счета, лукаво изогнув губы.

Я не смогла сдержать улыбку и отвернулась, хотя знала, что он все равно ее увидел.

– Не знаю, – небрежно ответила я. – Возможно, ты для меня слишком обходительный.

Его улыбка стала дьявольской. Он провел рукой по моему затылку, запустил пальцы в волосы, обхватил другой рукой за талию и прижался ко мне всем телом.

– Что не мешает мне оставаться мужчиной, разве что более умелым, – прошептал он мне в губы, заставляя затаить дыхание. – Но кое в чем я с тобой церемониться не стану.

У меня вырвался всхлип, и я почувствовала, как его рука стиснула мои волосы, и он с нескрываемым голодом уставился на мой рот.

– Думаю, я нравлюсь тебе, – шепотом произнес он, и я почти ощутила вкус его горячего дыхания. – Думаю, ты даже хочешь узнать мое имя.

Мужчина стал медленно наклоняться, и я приготовилась к тому, что должно было случиться, но вдруг он остановился и поднял голову.

– Тайлер, я тебя всюду ис... – Женский голос прервался на полуслове.

Я повернулась и увидела красивую блондинку, лет на семь старше меня, с немного удивленным, но не сердитым выражением лица.

Тайлер.

Вот как его зовут.

Я высвободилась из его рук. Тайлер выпрямился и посмотрел на женщину.

– Вот-вот начнут, – сказала она ему, сжимая обеими руками маленькую сумочку. – Пойдем.

– Да, спасибо, Тесса, – кивнул он.

Перед уходом она окинула меня быстрым взглядом. Что ж, вряд ли это его жена. Не то чтобы я вообще сочла своего собеседника женатым, все-таки обручального кольца он не носил, но она назвала его по имени, и это означало, что они знакомы. Я разгладила платье и прикоснулась к маске, чтобы убедиться, что все на месте.

– Это моя спутница, – пояснил Тайлер. – Но она не моя девушка.

Я покачала головой, наконец-то взглянув на него, и отозвалась беспечным тоном:

– Не нужно ничего объяснять.

Меня порадовало, что он не женат, но если ему захотелось пошалить, пока его девушка отвернулась, то пусть разбираются между собой. Я не собиралась смущаться.

Но ощутила разочарование.

Я огляделась, избегая взгляда Тайлера, и обхватила себя руками, потирая плечи. На улице похолодало, и теперь мороз пробирал до костей. Мне так не хотелось, чтобы вечер заканчивался, но это все же случилось. Мне нравилось, что я не знала имени собеседника, и нравилось предвкушать, как я его узнаю.

Тайлер подался вперед.

– Я... – Он умолк и вскинул голову, нахмурившись, потому что в зале кто-то заговорил в микрофон.

– Скажи мне свою фамилию, – торопливо потребовал Тайлер, пригвоздив меня к месту тяжелым взглядом.

– И в чем тогда будет веселье? – ответила я его же насмешливой фразой.

Но он не улыбнулся, лишь переступил с ноги на ногу, держа голову поднятой и прислушиваясь к человеку, который говорил в микрофон. Было заметно, что Тайлер торопится. Почему он так нервничает?

– Черт! – выругался он, а затем наклонился ко мне, уперся ладонями в стену за моей головой и предупредил: – Если ты уйдешь, то в следующий раз, когда мы встретимся, меня ничто не остановит.

Меня охватила дрожь, но я хорошо это скрыла.

– Мечтать не вредно, – парировала я. – Я не люблю адвокатов.

Он усмехнулся, выпрямился и посмотрел на меня сверху вниз.

– Я не адвокат.

И с самодовольным видом он прошел в банкетный зал.

Я выдохнула и слегка расслабилась. Проклятье!

Меня одновременно тошнило от разочарования и потряхивало от неудовлетворенного желания. Какой же он гад, что обманул меня, а сам пришел с подружкой!

Я вела себя так, будто знала, что Тайлер пришел не один, но на самом деле до последнего не верила в это. Возможно, он рассчитывал взять у меня номер, отвезти подружку домой сегодня вечером и позвонить мне завтра.

Но этого не будет.

Я сама решаю, когда и где займусь сексом. Я не жду, пока мужчина втиснет меня в свое расписание.

Телефон снова завибрировал. Джек, вероятно, разозлился на мое столь долгое отсутствие. Вернувшись в зал, где звенели бокалы и раздавался смех, я миновала взглядом оратора на сцене, оглядела толпу и у высоких двойных дверей увидела брата. Он уже надел свое пальто и держал мое в руке; вид у него был раздраженный. Я быстро подошла к нему, повернувшись так, чтобы он мог накинуть на меня верхнюю одежду.

– Где ты пропадала?

– Играла, – пробормотала я, даже не попытавшись скрыть насмешку в голосе.

Оратор на сцене продолжал бубнить, невнятно произнося слова, а публика смеялась над его шутками, уже достаточно опьянев, чтобы считать их смешными.

– Слушай, я хочу убраться отсюда до того, как по Бурбон-стрит двинется шествие полицейских Нового Орлеана, – напомнил мне Джек и уткнулся в свой телефон.

Я совсем забыла о параде.

Во время Марди Гра, в полночь, полицейское управление Нового Орлеана – с целой армией лошадей, собак, квадроциклов, легковых автомобилей, грузовиков и командного состава – проходило вдоль всей Бурбон-стрит, разгоняя народ, что означало окончание праздника и начало Великого поста. Тусовщики рассеивались по боковым улочкам и возвращались, как только полиция проходила мимо. Мы сняли на одну ночь номер в отеле на Декейтер-стрит, чтобы не возвращаться в колледж по пробкам, но нам следовало поторопиться и пробраться сквозь толпу до того, как полиция перекроет дорогу.

– Пойдем, – поторопил меня брат, направляясь к выходу.

– Итак, дамы и господа! – прогремел позади меня голос. – Давайте поприветствуем человека, который, как я надеюсь, выдвинет на будущий год свою кандидатуру в сенат Соединенных Штатов! – Все начали хлопать, и тут раздалось: – Мистер Тайлер Марек!

Я резко обернулась, и мои глаза округлились, когда на сцену поднялся мужчина, который совсем недавно прижимал меня к стене.

Вот дерьмо!

– Черт, я и не знал, что он здесь, – сказал брат, подходя ко мне.

– Ты его знаешь? – спросила я, взглянув на Джека, прежде чем снова повернуться к сцене.

– А ты разве никогда не слышала о Тайлере Мареке? – проворчал тот. – Он владеет третьей по величине строительной компанией в мире, Истон. Ходят слухи, что в следующем году он будет баллотироваться в сенат. Хотел бы я с ним познакомиться.

Политик?!

Господи. Вот я вляпалась.

Мне следовало бы смутиться. Все собравшиеся явно были его друзьями или единомышленниками, и банкет устроили в какой-то степени в его честь. Я нелестно высказалась о еде, гостях и не узнала его, хотя все вокруг, казалось, точно имели о нем представление.

Я плотнее запахнула на себе верхнюю одежду и замерла, когда глаза Тайлера встретились с моими. Он медленно расплылся в самодовольной ухмылке, и мои щеки вспыхнули жаром.

Тайлер заговорил, но я уже не слушала его.

«Если ты уйдешь, то в следующий раз, когда мы встретимся, меня ничто не остановит».

Я наклонилась к пустому круглому столу рядом с выходом и задула маленькую свечу, стоявшую там. Дым взвился вверх, наполняя воздух терпким ароматом.

Не оглядываясь, мы с братом покинули банкетный зал.

Истон

Полгода спустя

Мой брат – еще и мой лучший друг. Не многие девушки моего возраста могут похвастаться подобным, но это правда. Большинство братьев и сестер ссорятся время от времени. Накапливаются обиды, нарастает соперничество, и вы рискуете поддаться соблазну и начать вытирать друг об друга ноги. В конце концов, семья есть семья, и родным положено прощать все.

Но у нас с Джеком никогда не возникало такой проблемы.

В детстве мы вместе играли и тренировались, и, когда мы выросли, ничего не изменилось. Брат никогда не возражал против моего присутствия рядом, и я часто шутила, что нравлюсь ему больше, чем самой себе. Он соглашался, намекая, что я слишком самокритична, хотя про него можно сказать то же самое.

Нас так воспитали – мы ничего не делали впосилы. Хотя в свое время я обижалась на родителей за то, что они так строги с нами, в итоге это привило нам качества, полезные для достижения успеха на любом поприще.

– Ну, все. – Брат поравнялся со мной, остановился и покачал головой. – Хватит, – приказал он.

Вся покрытая потом, я притормозила, тяжело дыша.

– Еще два круга, – попыталась убедить его я. – Ты мог бы сделать еще два круга.

Он жадно глотнул воздух и подошел к краю тропинки, над которой нависли ветви старых дубов парка Одюбон.

– Сейчас август, Истон, – огрызнулся брат, уперев руки в бока и склонив голову в попытке отдышаться. – А мы живем в субтропическом климате. Слишком жарко для занятий спортом.

Вытащив край футболки из-за пояса спортивных шорт, он вытер пот с лица. Я последовала его примеру, откидывая назад выбившиеся из конского хвоста пряди волос.

– Тогда не получишь фруктовый коктейль, – проворчала я, напомнив, чем подкупила его, чтобы вытащить на пробежку этим воскресным утром.

– К черту коктейль, – парировал брат. – Не нужно было мне вылезать из постели. Меня уже достал колледж, и я хочу отдохнуть.

Он бросил футболку на землю и жестом указал на меня.

– Давай, – распорядился брат. – Ложись.

Я знала, что лучше не спорить. Он устал и хотел поскорее закончить тренировку. Я плюхнулась на пятую точку и легла, согнув колени, а брат наступил на мои ступни, чтобы зафиксировать меня в этом положении.

Я стала качать пресс, делая скручивания. Скрестив руки на груди и обхватив себя за плечи, я напрягла мышцы живота и приподняла корпус вверх, а затем снова опустилась вниз, коснувшись лопатками травы. Добавив скручивания, я продолжила качать пресс, пока Джек стоял надо мной и набирал кому-то сообщение. Вид у него был собранный и серьезный.

Он постоянно работал – писал сообщения, отправлял электронные письма, занимался планированием, – и это всегда имело отношение к учебе или его будущей карьере. Мой брат – целеустремленный, преданный делу и собранный, и я такая же.

Согласно исследованиям, первенцы вырастают надежными, добросовестными и предусмотрительными, и мой брат, безусловно, обладает всеми названными качествами. Мне, среднему ребенку в семье, следовало бы быть миротворцем и подхалимом, окруженным множеством друзей.

Но я совсем другая.

Если не считать моего строптивного характера. Хотя, скорее всего, на этом сказались обстоятельства взросления, а не очередность рождения. В то время как многие средние дети зачастую ощущают себя ординарными, лишенными какой-либо индивидуальности, я, наоборот, получала больше внимания, чем заслуживала, и устала находиться в его центре. Мне надоело быть особенной.

Мне хотелось большего – или меньшего. Это с какой точки зрения посмотреть.

Я подняла и опустила корпус тела, не расслабляя мышцы пресса.

– Ты знаешь, что я горжусь тобой? – Я выдохнула, глядя на брата снизу вверх. – Это твой год.

– Да. – Он ухмыльнулся, не отрывая глаз от телефона, и пошутил: – А что тебе об этом известно?

Джек перешел на последний курс юридического факультета в Тулейне. Помимо лекций, участия в учебных судебных процессах и преддипломной практики по оказанию бесплатной юридической помощи нуждающимся, он также подыскивал место для стажировки, чтобы набраться опыта. Он упорно трудился и по праву всего добился сам, не ожидая помощи со стороны.

– Мне известно, что ты каждое утро просыпаешься в четыре, чтобы повторить материал перед лекциями. – Я поморщилась, потому что мышцы пресса начали гореть. – Ты отказался от личной жизни, потому что это мешает учебе, и повсюду таскаешь с собой скучные юридические журналы: в трамвай, в кафе и даже в туалет...

– Эй...

– Ты самый трудолюбивый работник, – продолжила я, не обращая внимания на его смущенный протест. – И практически круглый отличник. Ты получил эти оценки не просто благодаря везению. – Я мило улыбнулась, перед тем как подколоть его. – В лучах твоего успеха можно обгореть.

Брат закатил глаза и освободил мне ноги. Мы оба встали на четвереньки и принялись отжиматься. Наши совместные тренировки проходили минимум раз в неделю, хотя обычно получалось и чаще. Трудно было составить четкое расписание с учетом наших напряженных графиков, но мы взяли за правило поддерживать мотивацию друг друга. Джек никогда всерьез не увлекался спортом, но все детство помогал мне в тренировках, так что физические упражнения являлись такой же неотъемлемой частью его жизни, как и моей.

– Знаешь, я люблю тебя. – Отжимаясь, он смотрел в землю. – Мне следует чаще это говорить.

Я остановилась и села, глядя на него. Он сделал то же самое.

– Мне было трудно расти рядом с тобой, Истон, – признался он, мрачно уставившись куда-то вперед. – Все внимание родители уделяли только тебе, подчиняли наши жизни твоим интересам... – Брат резко умолк, но я догадалась, что должно было прозвучать.

Наши родители любили нас всех – его, меня и нашу младшую сестру Эйвери, – но мы с Джеком понимали, что я всегда была для них на первом месте, хоть это никогда и не обсуждалось. Мои успехи в теннисе преобладали над достижениями остальных. Джек и Эйвери не могли ходить на внеклассные занятия, если те накладывались на мое расписание тренировок, и им приходилось посещать мои бесконечные матчи, тихо и незаметно сидя на скамье, потому что взгляды родителей были направлены лишь на меня. Только на меня одну.

Брату не следовало становиться моим лучшим другом. Он должен был затаить на меня обиду.

Он встал с земли и протянул мне руку, чтобы помочь подняться. Я приняла ее, всем телом подрагивая от усталости.

– Но ты никогда не зазнавалась, – заметил он. – Ты всегда вела себя так, будто мы с Эйвери имеем не меньшее значение.

– Так и есть, – без колебаний заявила я, отряхивая шорты.

– Да, но наши родители не всегда так считали. – Джек вздохнул. – Спасибо за предоставленную возможность, – сказал он, подразумевая принятое нами пять лет назад решение переехать в Новый Орлеан, чтобы Джек мог поступить в Тулейн, – и спасибо, что позволяешь мне иногда для разнообразия почувствовать себя старшим братом.

Я рассмеялась и легонько стукнула его кулаками.

– Да, иногда у тебя получается, – беспечно поддразнила я его.

– Иногда? – Он подставил ладони под мои шутливые удары. – Я на три года старше тебя, Свинина.

– Только физически. – Я пожала плечами. – Согласно исследованиям, мальчики отстают от девочек в моральном развитии на одиннадцать лет.

Брат сделал выпад, и я заблокировала его удар, отбив в сторону его крепкую руку так, что он пошатнулся.

– Ох уж эта твоя статистика, – закатил глаза он. – Где ты это вычитала?

– В интернете.

– Ах, эта бездна достоверной информации. – Он нанес еще несколько небыстрых ударов, и я подпрыгнула и пригнулась, кружа вместе с ним будто в танце. – Почему бы тебе не выйти в люди и не проверить эти теории на личном опыте?

– Я выхожу в люди, – недовольно поморщилась я.

– Ну, конечно, – кивнул он. – На работу. Или со мной. Или когда выходишь на охоту.

Я издала сердитый возглас, ударила брата сильнее и наконец-то попала ему в грудь.

– Ой! – Он замычал от боли.

Джек выпрямился, весь подобрался и двинулся вперед, нанося удары быстрее. Я едва успевала реагировать.

Выхожу на охоту? Не надо со мной так шутить.

У меня почти нет секретов от брата. Мы всегда принимали решения сообща, и когда пять лет назад случилась та катастрофа, я позволила ему поддержать себя. Но подробностями своей интимной жизни делиться с ним я не собиралась. В основном мне некогда было скучать по мужчинам. И уж конечно у меня не возникало никакого желания заводить с кем-либо долгосрочные отношения.

Не то чтобы я не пыталась, но, как правило, они были запутанные и непредсказуемые, в таких не получалось свободно дышать. Но время от времени мне хотелось физической близости. Не хватало кого-то рядом, хотелось почувствовать себя желанной. Хотя бы на одну ночь.

Поэтому я выходила в люди и избавлялась от этой тоски, а потом возвращалась домой с новыми силами. Порой встречалась с каким-нибудь «другом», который тоже не собирался заводить длительных отношений, но иногда, когда мне хотелось острых ощущений, я знакомилась с кем-нибудь.

С каким-нибудь незнакомцем.

– Я хочу сказать, попробуй на крайний случай взять настоящий урок самообороны, – пожаловался брат, – вместо того, чтобы тестировать на мне приемы с Ютьюба.

Я схватила его за руку и провела болевой прием на запястье. Его лицо исказилось.

– Не нравится быть моей боксерской грушей? – поддразнила я его, усиливая давление на запястье.

Он раздраженно скривил губы и, прежде чем я успела опомниться, сделал подсечку и толкнул меня на землю. Я рухнула на пятую точку, ощущая, как боль растекается по бедрам. Джек схватил меня за шею и прижал к земле.

Я пыталась вырваться из его хватки, но ничего не получалось. К щекам прилила кровь. Наверное, я стала похожа на помидор.

Брат ослабил хватку и печально произнес:

– Ты одинока, Истон.

Я моргнула, оглушенная звуком собственного дыхания. Мне буквально хотелось провалиться под землю. К чему он это сказал? У меня нет парня, но я не одинока. Пусть сначала посмотрит на себя.

И у меня в жизни все хорошо. Я живу в великолепной квартире, закончила Лойолу с отличием и только что получила отличную должность преподавателя истории в элитной частной школе здесь, в городе. Я собираюсь заниматься полезным делом, выполнять важную работу. И мне всего двадцать три. Я сосредоточена на карьере и еще очень молода. Мне некуда торопиться. У меня все впереди.

Джек отпустил меня и отодвинулся, откинув со лба белокурые волосы.

– Я просто беспокоюсь за тебя, – пояснил он. – И по-прежнему считаю, что тебе надо с кем-нибудь поговорить.

Я приподнялась на локтях и многозначительно посмотрела на него, сохраняя спокойствие, несмотря на растущий в груди гнев.

– Со мной все в порядке.

– Неужели? – выразил сомнение Джек. – А сколько раз сегодня утром ты возвращалась, чтобы проверить, заперта ли входная дверь?

Я закатила глаза и отвернулась. Не следовало говорить ему об этом. Его это беспокоило.

Допустим, иногда мне хотелось убедиться, что все лежит на своих местах. Порой я четыре раза перепроверяла, заперта ли входная дверь, чтобы почувствовать себя в большей безопасности. А временами мне нравилось считать предметы.

На самом деле мне просто нравилось держать все под контролем, и я достаточно хорошо скрывала от чужих глаз эту привычку. Брат, вероятно, ничего бы и не заметил, если бы я сама не призналась.

– Я больше не в центре всеобщего внимания, – напомнила я ему. – Перестань пытаться удержать меня, ладно? Я в порядке. – Мы поднялись. – У меня сломалась дверная ручка в ванной. – Я вставила наушники в уши, прежде чем он успел что-нибудь добавить. – Поэтому мне нужно заглянуть в хозяйственный магазин.

– Может, мне посмотреть, что с ней?

Джек натянул футболку обратно, но я покачала головой и бросила в шутку:

– Ты в этом такой же профан, как и я.

– А почему ты не хочешь просто пригласить мастера? – прокричал он мне вслед.

Я повернулась, отвечая ему тем же.

– А почему ты не любишь видеоуроки на Ютьюбе? – выкрикнула я и напомнила свой жизненный девиз, который был ему прекрасно известен: – Всегда ложись спать умнее...

– ...чем ты была, когда проснулась, – закончил он насмешливым голосом.

Я улыбнулась, включила композицию Hazy Shade of Winter группы The Bangles и побежала к выходу из парка.

По возвращении домой я целый час просидела на корточках возле двери в ванную, изучая инструкции по установке новой дверной ручки. К счастью, переехав в эту квартиру два месяца назад после окончания учебы, я купила набор инструментов, а продавец в магазине подсунил мне беспроводную дрель, которая очень пригодилась.

В знаниях – сила, и мне нравилось справляться с проблемами самостоятельно. Каждая возникающая передо мной трудность становилась поводом изучить нечто новое, что могло еще пригодиться мне в дальнейшем. Брат, однако, не разделял моей тяги к самостоятельности. Когда я переехала сюда, он купил мне кофейник в подарок на новоселье. Я же приобрела огнетушитель и набор рабочих инструментов из тридцати восьми предметов. Джек подарил мне шкаф для хранения вина, забитый бутылками с пино нуар, а я поставила два дополнительных засова на входную дверь. У нас с братом были разные понятия о самодостаточности, но этого и следовало ожидать. Его опыт взросления отличался от моего.

Закручивая винты, я улыбнулась своим мыслям и покраснела от смущения. Хорошо, что Джек не видел, как я развлекаюсь, возможно, впервые за всю неделю. Я могла вкручивать винты, пока дверь не треснет. И могла даже заниматься этим по всей квартире, пока не надоест. За такое брат бы посадил меня в тюрьму. Или, как минимум, принудительно отправил бы в спа-центр.

Перекусив бутербродом, я приняла душ и перерыла гардероб, подбирая наряд для сегодняшнего вечера. Завтра начнется учебный год, и родители учеников сегодня приглашены на день открытых дверей в Брэддок Отенберри, мое новое место работы. Или мое единственное место работы, так как я впервые приступала к преподавательской деятельности. Получив пару недель назад ключи от кабинета, я обустроилась в нем, и к завтрашнему дню все было готово. Оставалось лишь попытаться расслабиться и провести родителям экскурсию.

В качестве наряда я выбрала красную юбку-карандаш, которая заканчивалась чуть выше колена спереди, но сзади спадала ниже колен благодаря расклешенной оборке, приталенную черную блузку с манжетами, которая застегивалась на пуговицы до самого горла. В довершение наряда я выбрала простые черные туфли на шпильках с заостренным носком. Я скривилась, глядя на них, но сегодня мне требовалось произвести хорошее первое впечатление, так что придется потерпеть. В течение всего учебного года я планировала ходить в кроссовках и туфлях на плоской подошве.

Наряд получился консервативным, но стильным. Я сделала легкий макияж и уложила волосы в крупные локоны, собрав их по бокам головы и закрепив заколкой на затылке, и надела украшения, а затем осторожно оделась, стараясь ничего не помять.

Начиналась моя новая жизнь, и все должно быть идеально. Надев на запястье часы и украсив уши парой бриллиантовых сережек-гвоздиков, подаренных мне родителями, я разгладила руками блузку и юбку, смахивая с них несуществующие ворсинки.

Идеально.

Перед уходом я дважды проверила окна, плиту и обе двери, убедившись, что все надежно заперто.

Я прибыла в школу за несколько часов до начала мероприятия. Посмотрела почту в учительской, сделала несколько копий памятки для родителей и дважды проверила ноутбук и проектор, чтобы убедиться, что презентация в PowerPoint готова к показу.

Предполагалось, что к приезду родителей нужно подготовить небольшую вступительную речь, но я прикинула – надеюсь, правильно, – что они будут расхаживать от кабинета к кабинету без установленного порядка, поэтому просто сделала презентацию с картинками и надписями, чтобы запустить ее в фоновом режиме. Родители сами решат, смотреть ее или нет. Они могли полистать разложенные на парте учебники и ознакомиться с копией учебного плана и расписанием уроков, которые были размещены на столе у входа.

На рабочих собраниях, которые проводились на прошлой неделе, мои коллеги-учителя предлагали принести печенье и клубнику в шоколаде в качестве угощения, но после того, как школьная медсестра встретила нас в среду и напугала нас до чертиков опасностью аллергических реакций, я решила не рисковать. Бутилированная вода, и ничего более.

Через док-станцию айпода я фоном включила композицию Боба Марли No Woman, No Cry и еще раз прошла по кабинету, проверяя, все ли готово не только к сегодняшнему вечеру, но и на завтра.

– Вы – Истон Брэдбери? – пискнул чей-то голосок за моей спиной.

Я обернулась и увидела в дверях рыжеволосую девушку в темно-синем платье.

– Я – Кристен Мейер, – продолжила она, положив руку на грудь. – Преподаю технологию и естествознание. Мой кабинет расположен прямо напротив.

Я нацепила улыбку и подошла к ней, отметив, что она выглядит всего на несколько лет старше меня.

– Привет. – Я пожала ей руку. – Да, я Истон. Жаль, мы не познакомились раньше.

В основном наши рабочие собрания проводились небольшими группами, и так как я преподавала всемирную историю и историю США, мы с Кристен, вероятно, провели вместе от силы несколько часов, прежде чем нас разделили.

– Первый год работаешь? – Ее ярко накрашенные губы растянулись в очаровательной улыбке.

– Да. Я посещала мастер-классы и прошла практику, но в остальном... – я с волнением выдохнула: – ...новичок.

– Завтра начнешь усваивать все ускоренным курсом. – Она махнула рукой, проходя мимо меня в кабинет и оглядываясь по сторонам. – Впрочем, не волнуйся. Первый год – самый легкий.

Я нахмурилась, не поверив в это ни на секунду.

– Мне говорили совсем наоборот.

Кристен обернулась, ничуть не смутившись.

– О, так всегда говорят, чтобы обнадежить. В первый год ты просто пытаешься не пойти ко дну, понимаешь? Изучаешь все тонкости, вовремя выполняешь бумажную работу, часами готовишься к уроку, а потом он идет совсем не так, как ты планировала... – Она рассмеялась. – Но чего никто тебе не скажет, – продолжила она, прислонившись к парте, – так это того, что колледж ни к чему тебя не подготовил. В первый год работы ты учишься преподавать. В каждый последующий – пытаешься добиться успеха в этом деле. Вот что самое трудное.

– Отлично. – Я улыбнулась, уперев руки в бока. – Я-то думала, что научилась преподавать в колледже.

– Нет. Завтра тебя ожидает боевое крещение. Готовься.

Выпрямив спину, я отвернулась и приказала себе не хмуриться. В глубине души я понимала, что Кристен, вероятно, права, но мне все равно не нравилось, что придется начинать все с нуля после месяцев подготовки. Я усердно училась, посещала все занятия и даже брала дополнительные часы. Читала о новейших исследованиях и методиках и предпочитала самостоятельно, без помощи наставника составлять учебный план – что мне было позволено делать, пока я проходила учебную программу, – и критерии оценок. Я заранее расписала поурочный план на весь учебный год, но теперь начала переживать, что проделала такой труд впустую. Что, если я понятия не имею, во что ввязываюсь?

– Не переживай, – поспешила меня утешить Кристен. – Проблема вовсе не в учениках. – Она понизила голос и наклонилась ко мне. – Родители хотят знать, что получат за свои деньги.

– Что ты имеешь в виду?

– В государственных школах родители, как правило, не очень-то интересуются учебой своих отпрысков. В частной школе – порой даже слишком усердствуют. Могут вести себя агрессивно, – предупредила она. – И иногда приводят юристов на родительские собрания, так что будь готова.

Она похлопала меня по спине, как будто я нуждалась в утешении, и вышла.

Могут вести себя агрессивно?

Я подошла к окнам, чтобы переставить растения на подоконниках. Солнце уже село, и ученики с родителями выходили из дорогих машин, направляясь в школу. Матери поправляли детям прически, в то время как отцы продолжали вести деловые беседы по телефону. Я развернулась и широко распахнула дверь кабинета.

Я умею вести себя с агрессивными людьми.

В течение следующих двух часов родители и ученики знакомились с преподавателями и предметами в расписании. Так как мои ученики были в основном первогодками, они шли ко мне сплошным потоком. Многие родители хотели, чтобы их сыновья и дочери освоились перед началом учебы в новой школе, и, судя по предложенному мной для заполнения регистрационному листу, со мной познакомились почти две трети учеников и их родных. Остальным я планировала на этой неделе позвонить или написать по электронной почте, чтобы представиться и «установить контакт».

Я ходила по кабинету туда-сюда и общалась с семьями. На стенах развесила карты и плакаты, а на столах и полках разместила артефакты и инструменты, которыми пользуются историки и археологи. Гости заинтересованно их рассматривали.

Несмотря на то, что впереди меня ждало около ста восьмидесяти учебных дней, этот вечер был самым важным. Наблюдение за тем, как ученики общаются с родителями, дает хорошее представление о том, чего следует ожидать в течение учебного года. Кого из родителей ребенок на первый взгляд боится больше? (К тому и надо обращаться в случае каких-то проблем.) Как дети разговаривают со своими родителями? (Точно так же они будут говорить с вами.)

Кое-кто еще прохаживался по кабинету, но так как время уже подходило к концу, все начали расходиться.

– Привет. – Я подошла к парню, который уже давно сидел в одиночестве, ссутулившись за одной из парт. – Как тебя зовут?

Не вынимая наушников и продолжая играть в телефоне, он бросил на меня раздраженный взгляд. Я хотела присесть и завязать разговор, но меня уже одолевали дурные предчувствия. С этим пареньком мне придется нелегко. Прочитав имя на бейдже, который члены родительского комитета прикрепляли всем гостям вечера, я протянула парню руку.

– Кристиан? – улыбнулась я. – Приятно познакомиться. Меня зовут Ис... – Тут я остановилась и поправила себя: – Мисс Брэдбери. Какой из моих предметов ты будешь посещать?

Но тут его телефон запищал, и парень вздохнул, вытаскивая наушники.

– У вас есть зарядное устройство? – нетерпеливо спросил он.

Я опустила руку. Слава богу, я не сужу о людях по первому впечатлению, но хорошие манеры у него отсутствуют.

В ожидании ответа парень уставился на меня серо-голубыми глазами из-под копны взъерошенных черных волос. Я тоже ждала, скрестив руки на груди. Он закатил глаза и сдался первым, соизволив взглянуть на лист бумаги, лежащий на столе.

– Я буду посещать историю США, – ответил он, и его дерзкий тон поднял во мне волну гнева.

Я кивнула, взяла сильно измятый лист и поинтересовалась:

– А где твои родители?

– Моя мать сейчас в Египте.

Я отметила, что его группа стоит у меня первым уроком, и вернула ему расписание.

– А отец?

Парень приподнялся и сунул лист в задний карман своих брюк цвета хаки.

– На совещании у застройщика. Должен скоро подъехать.

Он поднялся и оказался почти одного роста со мной. Я расправила плечи и откашлялась.

– Совещание у застройщика? – переспросила я. – В воскресенье вечером?

– Хороший вопрос, – сверкнул он белыми зубами. – Я тоже его задавал. Отец пропустил его мимо ушей.

Я выгнула бровь, тут же отметив про себя, что они с отцом не очень-то ладят. Интересно бы посмотреть, как они между собой общаются. Парень вставил наушники обратно в уши, готовясь прекратить беседу.

– Если я доставлю вам неприятности, лучше сразу звонить моей матери в Африку, чем связываться с моим отцом, – сказал он мне. – Просто совет на будущее.

Я вскинула брови и усмехнулась. Вот засранец!

Но я и сама такой была когда-то и понимала, почему он так себя ведет. Мы могли бы найти общий язык. Развернувшись, я подошла к своему столу и вытащила из ящика телефон. Вынув батарею, вернулась и протянула ее парню.

– Зарядишь ее сегодня вечером, а завтра поменяемся обратно, договорились?

Он нахмурился и медленно протянул руку. К счастью, батарея подходила к его модели телефона.

– По школьным правилам, – заговорил парень, – нам нельзя пользоваться мобильными в классе.

– На моих уроках можно, – не растерялась я. – Завтра расскажу об этом подробнее.

Он протянул мне разряженную батарею и кивнул. Я расслабилась, радуясь, что парень, кажется, немного смягчился.

– Кристиан.

Вздрагнув от резкого оклика, мы оба повернулись в сторону входа. В дверном проеме, заполняя собой все пространство, стоял Кристиан в угольно-черном костюме-тройке, белой рубашке и золотом галстуке. Повзрослевший.

Он прищурился, сверля нас взглядом из-под прямых бровей.

Вот дерьмо.

Шокированная, я застыла. С сыном я только что познакомилась, но вот отца уже давно знала. Нет, нет, нет... Пульс участился, лоб и шея покрылись холодным потом. Неизвестно, узнал ли меня мужчина, но я не могла заставить себя приблизиться к нему. Что, черт возьми, мне делать?

Это был Тайлер Марек.

Тот самый мужчина, который танцевал со мной, флиртовал со мной и заявил, что кое в чем не станет со мной церемониться, оказался отцом моего ученика?!

Я отошла к доске, решив не обращать на него внимания, и заменила батарейку в телефоне. Наклоняться было не обязательно, но я ощущала на себе взгляд Тайлера и хотела укрыться от него ненадолго, чтобы взять себя в руки.

Я закрыла глаза и глубоко вдохнула.

При первой встрече мне показалось, что он не из тех, кто заводит детей. Неужели я ошиблась? Он женат? Тогда я не заметила кольца на пальце, но это еще ни о чем не говорило. Мужчины снимают обручальные кольца так же легко, как и надевают. А что, если он меня узнает? Слава богу, я с ним не спала.

Я глубоко вздохнула, защелкнула корпус телефона и закрыла сумку. Облизнув пересохшие губы, сглотнула и заставила себя встать, черт возьми, ровно и справиться с проблемой. Выпрямив спину, я пригладила рукой блузку, собрала несколько заполненных анкет и убрала их. Остальные гости уже покинули кабинет, и я напряглась, увидев, как он приближается.

Тайлер Марек.

Я думала о нем. Чаше, чем хотелось бы.

И, тем не менее, сопротивлялась желанию поискать в интернете информацию о нем, чтобы не потакать своему бессмысленному любопытству. Я не рассчитывала увидеть его снова, тем более здесь.

– Мы ведь уже встречались раньше, не так ли? – с твердой уверенностью в голосе спросил он.

Я подняла глаза, и от его пронзительного взгляда по моим рукам побежали мурашки. Он спокойно и вежливо ждал ответа. Я сглотнула и постаралась придать уверенности улыбке.

– Полагаю, нет, сэр. – Я протянула ему руку, надеясь, что у него случится провал в памяти.

Конечно, в тот вечер я была в маске – довольно жалкой, но все же, – так что Тайлер мог запомнить лишь образ девушки в красном платье. Хотелось надеяться, что его воспоминания этим и ограничатся. Не то чтобы мы делали что-то постыдное, танцуя и флиртуя, но все же было неловко.

Тайлер пожал мне руку, и я вспомнила, как эти же руки касались моей талии, затылка...

Он прищурился, разглядывая меня, и мне захотелось провалиться под землю, потому что в любой момент Тайлер мог вспомнить.

– По-моему, мы знакомы, – настойчиво повторил он, не поверив мне.

– Я – мисс Брэдбери, – переключилась я на другую тему, обходя вокруг стола. – Мы с вашим сыном уже познакомились. В этом году он первым уроком будет посещать у меня историю США.

«И, надеюсь, состоится лишь одно родительское собрание, после которого нам с тобой больше никогда не придется сталкиваться друг с другом».

Не то чтобы мне было стыдно или страшно. Но этот парень меня завел.

За последние несколько месяцев мыслями я часто возвращалась к тому вечеру. Тихими ночами, когда мне хотелось ощутить чьи-то прикосновения, а рядом никого не было, я вспоминала, как Тайлер танцевал со мной, почти касался меня губами и смотрел на меня сверху вниз. С тех пор я несколько раз спала с другими мужчинами, но, как ни странно, представляла всегда его.

А теперь он рядом...

Он продолжал, приподняв бровь, изучать меня, и я вдруг занервничала. Вид у него был грозный. Совсем не такой игривый, как в тот вечер.

– Кристиан, – позвал Тайлер сына. – Подойди.

Почти не отрывая взгляда от экрана телефона, тот приблизился.

– Я и так здесь, – сказал Кристиан дрожащим от злости голосом. – Пить хочу.

– У двери стоят бутылки с водой, – проинструктировала я, но он просто вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Челюсть его отца напряглась, и я поняла, что Тайлер сердится.

– Простите моего сына, – извинился он. – Его мать уехала на год, и он немного не в духе.

Он сказал «его мать». Не «моя жена».

Поток воздуха из кондиционера охлаждал мое лицо, попадал на блузку и помогал хоть немного охладиться. Мы с Тайлером остались в кабинете одни, и я втянула ноздрями его пьянящий запах.

Обогнув Тайлера, я направилась к стопкам бумаг, разложенным у двери.

– Что ж, вам нужно успеть посетить и другие кабинеты, а времени осталось не так уж много, – я направилась к стопкам бумаг, разложенным у двери, – поэтому возьмите памятку с моей контактной информацией и учебным планом на год. – Я взяла со стола памятку, уместившуюся на одной странице, а также подробный план на двух страницах, подошла и протянула Тайлеру оба документа. – А еще есть учебная программа с кратким перечнем дат, когда будут проводиться тесты и когда должны быть сданы самостоятельные работы и проекты, – продолжила я, когда он отвел взгляд, чтобы просмотреть документы.

Брови Тайлера поползли вверх, пока он изучал их.

– Вся информация также размещена на сайте. Это всего лишь распечатка для вашего удобства.

Я скрестила руки на груди и постаралась, чтобы голос звучал непринужденно:

– У вас остались ко мне какие-нибудь вопросы?

Наверное, это прозвучало так, будто я пыталась выпроводить его поскорее, но чем дольше Тайлер оставался со мной рядом, тем больше шанс, что он меня вспомнит.

– Да, – вполголоса произнес он, продолжая листать бумаги. – Вообще-то, есть один вопрос.

Я напряглась, стараясь не задерживать дыхание.

– Как давно вы работаете учителем? – спросил он.

– Первый год, – со всей уверенностью ответила я.

Тайлер вскинул брови, и уголки его рта приподнялись.

– Надеюсь, вы потянете.

Я склонила голову набок, вглядываясь в него и стараясь не показывать, что оскорблена намеком.

– Прошу прощения?

– Мой сын – тот еще подарок, – пояснил он. – Он не хулиган, но очень своенравен. Надеюсь, вы знаете, как с ним справиться.

Я слегка кивнула и повернулась обратно к столу.

Не хулиган?

Судя по тому, что я уже видела, Кристиан действительно тот еще фрукт. Я лишь надеялась, что мне не придется звонить его отцу или встречаться с ним по какому-нибудь поводу. Вернувшись за свой стол, я подняла глаза и увидела, что Тайлер все еще стоит у двери и смотрит на меня так, словно пытается что-то понять.

– Что-нибудь еще? – спросила я как можно более вежливым тоном.

Тайлер покачал головой, как будто все еще размышлял о чем-то.

– Я просто... почти уверен, что знаю вас.

– Истон? – Кристен заглянула в кабинет, прерывая нашу беседу. – Мы собираемся... ой, простите.

Она умолкла, заметив, что в кабинете находится кто-то из родителей. Мои веки затрепетали и закрылись, а в животе все перевернулось.

Черт.

– Извините, что помешала, – прощепетала она. – Зайди ко мне, когда закончишь, ладно?

И Кристен закрыла дверь, оставив нас в кабинете одних.

Я мельком глянула на мистера Марека, а он отвернулся от двери и пронзил меня пристальным взглядом. А затем, как лед под жгучими лучами солнца, его тяжелый взгляд смягчился, в нем засияло понимание, глаза заблестели, а губы изогнулись в изумленной улыбке.

Мать твою!

– Вас зовут Истон? – Он медленно двинулся ко мне, и с каждым его шагом мое сердце билось все быстрее, а кровь все жарче струилась по венам. – Необычное имя для женщины, – продолжил Тайлер, придвигаясь все ближе. – На самом деле я встречал только одну девушку с таким именем.

Я выдохнула. Он изучал мою фигуру, словно сравнивал меня нынешнюю с той незнакомкой, которую встретил полгода назад.

Наконец Тайлер снова встретился со мной взглядом и подался вперед, будто в ожидании чего-то.

– Ты так и не узнала, как меня зовут, – игривым тоном напомнил он.

Волосы на затылке встали дыбом.

– Хочешь узнать? – предложил Тайлер, играя со мной.

Вообще-то, я должна была познакомиться с отцом своего ученика. Но сейчас он просто надо мной глумился, и хотя я хотела наладить хорошие отношения со всеми, мне требовалось пожертвовать малым ради большего. Нельзя предсказать, что случится, если Тайлер начнет относиться ко мне иначе, чем как к учителю Кристиана, а никак иначе он ко мне относиться не должен.

– Мистер Марек, – произнесла я спокойным, но твердым голосом. – Если у вас больше нет вопросов, полагаю, вам не нужно заставлять сына ждать. Снова, – добавила я. – Возможно, вам стоит его найти.

Веселые искры в его глазах тут же исчезли, и я увидела, как Тайлер выпрямился и натянул суровую мину.

Обиделся. Хорошо.

Взглядом я указала ему на дверь.

– Всего доброго.

Тайлер

– Ты улыбаешься, – заметил мой брат Джей, сидевший напротив меня на заднем сиденье «Рендж Ровера».

Я пропустил это мимо ушей, наблюдая за проносящимися мимо пешеходами, большую часть которых составляли люди на пробежке и учащиеся с рюкзаками, пока Патрик, мой водитель, вез нас домой.

Я не улыбался.

Я был оскорблен, удивлен и заинтригован, представляя себе ее красивое покрасневшее лицо. В этой блузке, застегнутой до самого горла, в узкой красной юбке и в туфлях на каблуках, подчеркивающих ее стройные икры, вся такая чопорная, Истон совсем не походила на ту девушку с банкета в честь Марди Гра.

Но она определенно меня не разочаровала.

Тогда она вела себя дерзко и сексуально, казалась почти неприступной и чертовски привлекательной. Ее острый язычок забавлял и возбуждал меня, и я был поражен, когда она взяла и ушла, ничуть не заинтересованная в том, чтобы продолжить знакомство. К сожалению, я так и не смог разыскать ее после банкета: ее имени не оказалось в списке приглашенных, и это означало, что она пришла с кем-то. Мне не хотелось расспрашивать всех подряд, поэтому я решил оставить все как есть.

И вот она вновь появилась – учительница моего сына, дерзкая и неприступная, что лишь придавало ей очарования, такая же сексуальная, как и много месяцев назад, – но разница заключалась в том, что теперь я не мог, черт возьми, прикоснуться к ней.

Я ослабил галстук, ощутив, как взмокла шея, хотя кондиционер работал на полную, и посмотрел на сына, сидящего рядом со мной, уткнувшись в телефон.

Это будет чертовски долгий год.

– Ну что ж, приготовься к удару по яйцам. – Мой брат откинулся на спинку сиденья, постукивая по телефону стилусом. – Мейсон Блэквелл только что получил от Фонда Эрхарта субсидию в два миллиона долларов. Они официально поддерживают его за то, что он олицетворяет их высокие моральные качества.

Мейсон Блэквелл. Мой единственный реальный противник на выборах в сенат.

– Высокие моральные качества, – повторил я вполголоса. – Пока я ем младенцев и купаюсь в крови, так?

Джей усмехнулся и наконец поднял глаза.

– Они такого не утверждают, – заверил он. – Во всяком случае, не в таких выражениях. О тебе вообще ничего не говорят. Ты просто загадка, – проворковал брат, снисходительно глядя на меня.

Эту тему мы уже обсуждали, но Джей никак не унимался. Он продолжал гнуть свою линию, надеясь взять меня измором, но я ни за какой хрен не позволю СМИ вмешиваться в мою личную жизнь. Управлять вниманием прессы, переключая его на то, что действительно важно, – обязанность Джея.

– Это твоя работа, – напомнил я ему и пристально посмотрел в глаза, показывая, что не шучу.

Он лишь покачал головой и подался вперед.

– Тайлер. – Вспомнив о присутствии моего сына, он понизил голос до шепота: – Я могу скормить газетчикам все, что пожелаешь, но перед камерами тебе лучше вести себя более открыто. На дворе двадцать первый век, и люди... избиратели, – уточнил он, – хотят знать все.

– То, что их не касается, – тихим голосом возразил я, прислушиваясь, как Кристиан продолжает спокойно играть.

В моем прошлом нет никаких позорных поступков или преступлений, но пресса начала интересоваться моим сыном – какое место я занимаю в его жизни, – и моими интимными отношениями. Черт возьми, это никого не касается.

А Джей хотел выложить меня перед ними как на ладони.

Брат откинулся обратно на сиденье.

– Ким Кардашьян выкладывает в «Инстаграм» фото своей задницы, – процедил он сквозь зубы. – В таком уж мире мы живем, да поможет нам Бог, и клянусь, одна фотка того, что ты ел на завтрак, привлечет к тебе больше сторонников, чем любая предвыборная речь или рекламный ролик. Будь общительнее. «Твиттер», «Фейсбук»...

– У тебя есть люди для выполнения этого дерь... – Я умолк, бросил взгляд на сына, а затем снова на Джея. – Для этой ерунды, – поправил себя я, не желая выражаться в присутствии Кристиана.

От плохой привычки трудно избавиться, и поскольку Кристиан всегда – всегда – жил со своей матерью, я не беспокоился о том, какие выражения употребляю. Теперь мне приходилось постоянно следить за языком в его присутствии – все равно что находиться на публичном мероприятии или перед камерами.

Себя настоящего не всегда нужно показывать.

Первое, что я сделал прошлой зимой, когда решил начать подготовку к выборам, – это набрал команду специально обученных людей, чтобы те занимались моим сайтом и социальными сетями и избавили меня от этой необходимости. Официально свою кандидатуру я еще не выдвигал, и предвыборная кампания должна была стартовать только через полгода, но мы уже закладывали фундамент.

Брат кивнул.

– Да, у нас есть люди, которые ведут твои аккаунты в соцсетях, но было бы неплохо, если бы ты добавил их постам немного индивидуальности. Выкладывай истории об отцовстве, смешные анекдоты, селфи... что угодно. – Он отмахнулся от меня. – Люди крепко подсаживаются на эту дрянь. Они проглотят наживку.

Я закрыл глаза и потер виски. До выборов осталось больше года, но в случае победы меня ждет еще более активное вторжение в личную жизнь.

– Seriously, look at him. – Джей указал на Кристиана.

Я увидел, как тот, горизонтально развернув телефон и зажав его между ладоней, с невероятной скоростью постукивает по экрану двумя большими пальцами. Он занимался этим круглыми сутками, и я не мог припомнить, когда последний раз мы смотрели друг другу в глаза. При каждой моей попытке завязать разговор и поинтересоваться, чем он занимается, он вел себя так, словно плохо меня слышит.

Джей прав. Кристиан крепко подсел. Как и все остальные.

– Тебе обязательно все время торчать в этой штуке? – Я не сумел скрыть раздражения в голосе.

Судя по тому, что сын почти не потрудился скрыть красноречивую гримасу, он меня слышал.

– Кристиан, – окликнул я мальчишку и выхватил телефон из его рук в попытке привлечь внимание.

Или, возможно, получить хоть какую-то ответную реакцию.

Он стиснул челюсти и выдохнул с таким видом, словно терпеть меня не может. С тех пор, как неделю назад его мать и отчим отправились в исследовательскую экспедицию, а Кристиан перебрался ко мне, он игнорировал меня.

– Ладно, – с вызовом произнес он, уронив руки на колени и презрительно глядя на меня. – О чем ты хочешь поговорить?

Я приподнял бровь, в некотором роде застигнутый врасплох. Я ожидал, что он начнет спорить – или, возможно, проигнорирует меня, как обычно, – но хотелось ли мне с ним поговорить? Много лет я пытался поговорить с ним, установить контакт, однако теперь понял, что не знаю, о чем вести беседу. И Кристиан это понял. Он догадался, что я понятия не имею, какого черта делаю.

Он усмехнулся и одарил меня снисходительным взглядом.

– Да ладно тебе, – проворчал Кристиан. – Вряд ли мы похожи на разлученных в детстве братьев, тем более – на отца и сына. Не начинай того, что, как мы оба знаем, не закончишь.

Он потянулся за телефоном, но я выразительно посмотрел на него и отдернул руку.

– Отдай! – с напряженным выражением лица выпалил сын. – Мисс Брэдбери – или как там ее зовут – одолжила мне свою батарею, и я должен вернуть ее завтра.

– Очень жаль, – рявкнул я, засовывая его телефон в карман и прожигая взглядом брата. – Видишь, в этом-то и вся проблема. Какой пример подают учителя, которые позволяют детям зависать в гаджетах?!

– Кто бы говорил, – огрызнулся Кристиан. – Ты все время где-то зависаешь, и для этого тебе не нужны гаджеты.

Я опустил голову и стиснул челюсти. Господи Боже.

Если бы я не был так чертовски зол, то, возможно, рассмеялся бы. В детстве и сам не раз доводил отца. Кристиан очень похож на меня внешне, но даже если бы это было не так, в нашем родстве не возникло бы никаких сомнений. В его возрасте я вел себя столь же вызывающе.

– Направь энергию в нужное русло, – заметил Джей, пытаюсь образумить меня, и напомнил: – Времени мало.

Направить энергию в нужное русло. У меня мало времени.

Другими словами, брат не считает заведомо проигранный спор с сыном хорошей тратой времени.

Я посмотрел на Кристиана, который бесцельно уставился в окно, и ощутил тяжесть в груди. Наши отношения сложились дерьмово лишь по моей вине. Меня не удивило, что он сопротивлялся принятому мной и его матерью решению оставить его здесь на год, вместо того чтобы ехать в Африку. Ему требовалось время. Само собой, у меня этого времени не было, но даже когда я старался

установить контакт, он закрывался от меня.

Меня, конечно, нельзя назвать отцом года, но я поддерживал его всю жизнь и всегда хорошо к нему относился. Меня заботили его желания и потребности, и пусть, быть может, я недостаточно старался и не ставил сына превыше всего остального, но я и понятия не имел, что будет так трудно общаться с ним. Я и сам не всегда ладил с отцом, но уважал его. О Кристиане нельзя было сказать того же. Становилось все труднее и труднее игнорировать голос разума, который твердил, что уже слишком поздно.

Машина свернула на Притания-стрит, вырвав на одну из множества разбитых, покрытых выбоинами дорог Нового Орлеана, и я отвернулся к окну, потому что беседа прекратилась. На улицах, полных бутиков, магазинов и уютных ресторанов, царила вечерняя суета. Среди всех районов города – Французского квартала, Мариньи, Центрального делового района, района Складов, средней и верхней части города – именно район Садов пленил меня больше всего.

Расположенная между Сент-Чарльз-авеню и Мэгэзин-стрит, Притания считалась одной из красивейших по архитектуре улиц в районе. Ее украшали пестрые краски, цветы и зелень, а также популярные рестораны, расположенные в зданиях, которые, вероятно, не выдержали бы никакой санитарной проверки. Роскошь и самобытность здесь легко смешивались с трещинами и стариной, и это называлось характером. Такое нельзя купить или описать словами.

Тем же самым определяется и понятие родного дома.

Особняки девятнадцатого века возвышались по обеим сторонам улицы, спрятавшись за коваными железными воротами и чередой громадных зеленых дубов. Газовое пламя мерцало в фонарях, висевших у парадных дверей, и мимо проезжали велосипедисты с рюкзаками на плечах – вероятно, студенты – или с закинутыми за спину музыкальными инструментами – уличные артисты.

В небе, озарив кипящие жизнью улицы, сверкнула молния, а затем прогремел гром, напомнив, что сезон ураганов еще не окончен. В ближайшие недели обрушатся обильные ливни.

Мы въехали в более спокойный и живописный район, а затем замедлили ход и свернули на подъездную дорожку, уводящую нас все дальше за стену деревьев,

к моему дому. Старый викторианский особняк, расположенный на большом участке земли, имел три этажа, бассейн и гостевой дом на территории. Хотя десять лет назад я приобрел его в ужасном состоянии, уже тогда покупка казалась мне выгодной. Вся прелесть заключалась в тихом, уединенном месте расположения, хотя находился он в самом центре города. До баров, ресторанов и магазинов было рукой подать, но их шум сюда не долетал.

Вокруг простирался акр земли, покрытой самой пышной растительностью, которую я когда-либо видел, а по периметру росли старые дубы, чьи раскидистые ветви скрывали дом от любопытных глаз. Хотя мы с сыном почти не разговаривали, я знал, что ему здесь тоже нравится. Его мать проживала со своим мужем в более спокойной верхней части города, расположенной неподалеку отсюда – всего в нескольких кварталах, – но находящейся в ином мире с точки зрения оживленности и культуры.

Заехав в гараж, мой водитель вышел, чтобы открыть нам двери, но Кристиан распахнул свою первую и выскочил, наверняка все еще злой от того, что лишился телефона. Я не собирался оставлять гаджет у себя, но раз уж сын решил проявить неуважение, то, в конце концов, и мне можно ответить ему тем же. Его мать сказала, что я должен заслужить его любовь, и, возможно, она права – понятное дело, Кристиану не за что любить меня, – но и нянчиться с ним я не собирался. Уважение к старшим – признак хорошего воспитания. Если я начну пытаться завоевать его любовь, не добившись уважения, он никогда не воспримет меня всерьез.

А может, и воспринял бы. На самом деле я действовал наугад.

Я увидел, как Кристиан влетел в дом через боковую дверь, и отмахнулся от Патрика, который собрался открыть мне дверь. Достал бумаги, полученные во время обхода учителей Кристиана, и передал их брату.

– Это его учебные планы, – объяснил я. – Найди их в интернете и скачай на мой телефон, а затем отметь основные даты в моем ежедневнике, а также сохрани контактные данные всех учителей, – распорядился я.

Джей коротко кивнул.

– Считай, уже готово, – ответил он, просматривая бумаги.

Прошлой весной Джей оставил работу в моей фирме и стал руководителем моей предвыборной кампании, чтобы бросить все силы на защиту моих политических интересов. Он также пытался сделать все, чтобы облегчить мне жизнь.

– Это ведь она? – спросил брат, задержав взгляд на одной из бумаг. – Истон Брэдбери?

Она? И тут я вспомнил, что Кристиан упоминал ее имя, говоря о батарее. Джей сунул бумаги в портфель и начал быстро набирать текст в телефоне.

– Что ты делаешь? – поинтересовался я.

– Ищу ее в интернете, – заявил как ни в чем не бывало он.

Я тихонько рассмеялся, чтобы Джей меня не услышал. Спасибо Господу за моего брата и его техническую смекалку. Он собирал информацию обо всем и всех, и мне от этого была лишь польза. Но с сыном я предпочитал разбираться без его помощи.

Я уже собирался выйти из машины, но задержался, когда Джей заговорил:

– Двадцать три года, окончила с отличием университет Лойолы...

– Мне все равно, – перебил я Джея, выходя из машины.

По правде говоря, мне было не все равно. Мне нравилось вспоминать о ней, и с момента нашей встречи ни с одной женщиной я не испытывал такого удовольствия, как с ней, а ведь мы только разговаривали. Ее загадочность забавляла и привлекала меня, и я не хотел все разрушить. Я бы с огромной охотой переспал с Истон, но с мисс Брэдбери такое было недопустимо.

Границы здесь очевидны, и их нельзя нарушать. Ради моего сына и карьеры.

– Какие у меня планы на неделю? – сменил я тему разговора, войдя через боковую дверь в просторную кухню.

– С понедельника по среду ты занят работой в офисе и проведением встреч. – Джей захлопнул за собой дверь и направился за мной через кухню и дальше по коридору, мимо гостиной и комнаты отдыха. – Но в четверг и пятницу все спокойно, – продолжил брат, – и я подтвердил твой ужин в эти выходные с мисс Маколифф. Если ты не решил его отменить, – добавил он.

– Ни в коем случае. – Я снял галстук, вошел в свой кабинет и скинул пиджак.

Тесса Маколифф вела себя нетребовательно и неприхотливо. Она была красива, скромна и хороша в постели, но, несмотря на рекомендации моего брата завязать с ней серьезные отношения – или с любой другой женщиной – для улучшения политической репутации, я не собирался ничего менять в своей жизни ради голосования. Избрание в сенат имело для меня большое значение, но Тессу я не любил, да и некогда было влюбляться.

Похоже, ее это тоже вполне устраивало. Она работала продюсером и ведущей утреннего шоу на местном канале, и с самого первого дня у нас ни разу не возникало ложных представлений о том, чего ожидать друг от друга. Время от времени мы встречались за ужином, а потом заканчивали вечер в гостиничном номере. Вот и все. Я звонил ей, когда чувствовал в этом необходимость. Или она – мне. Дальше этого дело никогда не заходило.

Еще в самом начале предвыборной кампании я задумывался о поиске серьезных отношений. Большинству избирателей нравятся кандидаты, которые на личном примере пропагандируют правильные семейные ценности – имеют супругу и детей, – но меня больше интересовала работа, и я решил не устраивать свою личную жизнь через силу.

Мой сын, холостяцкий образ жизни, размышления о том, чтобы когда-нибудь завести еще детей – само собой, после того, как докажу, что способен воспитать уже имеющегося ребенка, – это мое личное дело и никого больше не касается. Какое, черт возьми, это имеет отношение к моей способности занимать высокий пост?

– Парень ведь ужинал, верно? – спросил я у брата, обойдя стол и включив компьютер.

Он расстегнул пиджак и бросил портфель на один из двух стульев, расположенных по другую сторону стола.

– Да, – кивнул Джей. – Я попросил Патрика отвезти его в «Лебанон» перед тем, как отправляться на собрание в школу.

Патрик обожал фалафель, а Кристиан, похоже, любил все блюда с хумусом. За последнюю неделю они ужинали вместе уже второй раз. Я напомнил себе, что завтра должен быть дома к ужину. Из-за гребаной непредвиденной встречи с моим отцом мне пришлось просить Патрика отвезти Кристиана на день открытых дверей в школу и сказать, что меня ждет застройщик, а не собственный отец с намерением устроить допрос. В тридцать пять лет я все еще отчитывался перед родителем и, хотя в роли сына ненавидел это, мог войти в положение в роли отца. У меня хороший папа. Жаль, что яблочко упало так далеко от яблоньки.

– Ладно, давай работать.

В маленьком баре у стены я налил себе выпить, и мы с Джем провели следующие два часа, составляя список встреч с политически влиятельными лицами города. К сожалению, кампании существовали за счет добровольных пожертвований, и я заранее настоял на использовании собственных средств, потому что ненавидел просить кого-либо о чем-либо. После того как мы распланировали мероприятия и встречи, я отпустил Джея домой, а сам остался готовить на среду предвыборную речь для встречи с Рыцарями Колумба[3 - Рыцари Колумба – католическое движение римско-католической церкви, христианское братство, объединяющее практикующих мужчин-католиков и основанное для благотворительной, социальной деятельности.].

Я потер подбородок, задаваясь вопросом, захочет ли Кристиан посетить вместе со мной одно из подобных мероприятий. Я не рассчитывал, что это покажется ему интересным, но мы могли бы таким образом провести время вместе, и он познакомился бы поближе с моей работой.

Я покачал головой, встал и выключил лампу. Слишком много хочу. Вот в чем проблема. Слишком много целей и слишком мало времени.

Когда родился Кристиан, я был высокомерным и безответственным двадцатилетним парнем. Хотел всего и сразу и не задумывался о последствиях даже после рождения сына. Теперь я научился отвечать за поступки, делать правильный выбор. Понял, что получать все и сразу невозможно, но все равно не люблю выбирать.

Выйдя из комнаты, я направился наверх, в спальню, но остановился, заметив через приоткрытую дверь, что в комнате Кристиана, расположенной дальше по коридору, горит свет. Приблизившись, я толкнул дверь и увидел, что сын лежит на животе на застеленной кровати, полностью одетый. Я подошел к нему, чувствуя ту же самую тяжесть в груди, какую испытывал по дороге.

Он выглядел умиротворенным, его грудь поднималась и опускалась с каждым спокойным, ровным вдохом, голова была повернута набок. Складки между вечно нахмуренными бровями разгладились, а черные волосы растрепались, упав на лоб и глаза. Я вспомнил, что однажды видел сына спящим, совсем малышом, и тогда он выглядел почти точно так же.

Но тогда он все время улыбался. Теперь постоянно злился.

Я присел на край кровати и укрыл его вторым одеялом. Склонив голову, уперся локтями в колени и ощутил, как расслабились плечи.

– Знаю, это трудно, – сказал я ему шепотом. – Нам обоим непривычно, но я хочу видеть тебя рядом.

Кристиан пошевелился во сне и повернул голову к стене. Я хотел коснуться его, но передумал и вышел из комнаты. Покачал головой и направился в спальню, на ходу раздеваясь. Почему мне легче общаться с сыном, когда он не знает о моем присутствии?

Я возглавлял многомиллионную корпорацию. Когда мне исполнилось восемнадцать, объездил оба полушария и взобрался на вулкан. Самые жуткие типы ели с моей гребаной ладони, так почему же я боялся собственного ребенка? Я вошел в спальню, бросил рубашку и галстук на стул и снял с себя все остальное.

Все деревянные поверхности в комнате – от пола до мебели – сияли в мягком свете прикроватной лампы, и я прошел по пестрому ковру, запустив пальцы в волосы и пытаюсь понять, что делать с сыном. Его мать, несмотря на то, что была ко мне враждебно настроена, прекрасно о нем заботилась, и Кристиан ладил с ней. Она установила в их отношениях строгие и разумные порядки, и мне следовало поступить так же.

И не только с Кристианом, но и с самим собой. Мне нужно приезжать домой, чтобы завтракать, обедать и ужинать вместе с сыном. Или хотя бы пытаться чаще делать это вместе. И мне нужно быть последовательным. Проверять его домашние задания, посещать спортивные игры и отслеживать, где он был и что делал. В конце концов, я сам его пригласил. Я выдержал спор с ним и его матерью, чтобы провести с ним этот год.

Я забрался в душ и подставил шею под двойные горячие струи воды, чтобы расслабить напряженные мышцы.

Истон.

Надо бы поискать ее в интернете. Гребаная загадка и учительница моего сына.

Я намылил грудь и руки, мысленно сравнивая, как она вела себя полгода назад и этим вечером. В чем-то иначе, но очень похоже. Сдержанно, сексуально, но так, что к ней и не подступиться. Недостигаемая, как отражение в зеркале. Вроде и рядом, а неуловима. Как будто по-прежнему в маске.

Мне следовало поцеловать ее в тот вечер. Заглянуть в эти голубые глаза и увидеть, как она теряет контроль, когда я закрываю ей рот поцелуем и заставляю ее плавиться от страсти, как мне того хотелось. Чего бы я только не отдал, чтобы сорвать с нее эту чопорную одежду, которую видел сегодня вечером, пригвоздить к кровати и...

Я с усилием втянул в себя воздух и уперся рукой в мраморную стену.

Черт.

Я сглотнул, хватая ртом воздух, и провел мокрой рукой по макушке. Посмотрев вниз, увидел раздутый от желания член, который пульсировал, дергался и умолял о разрядке. Повернув кран влево, я стиснул зубы от отчаяния и тяжело задышал под потоком обрушившейся на меня холодной воды.

Мне нельзя прикасаться к Истон Брэдбери.

И нельзя забывать об этом.

4

Истон

– Итак... – заговорила я, медленно прохаживаясь между рядами парт и с улыбкой просматривая распечатку сообщения из «Фейсбука», которую держала в руке. – Из всех вопросов, размещенных вчера в группе, наиболее популярным оказался такой: «Почему мужчины вообще перестали носить колготки? Я бы пощеголял в них», – зачитала я вслух классу.

Мальчишки-первогодки зафыркали, а девочки захихикали, вспоминая долгую беседу, состоявшуюся между кое-кем из них прошлым вечером. Маркус Мэтьюз сорвался с места, вскочил на свой стул, поднял руки вверх и улыбнулся. Как автор вопроса он принимал заслуженные похвалы. Я в изумлении покачала головой.

– Сядь, – приказала я, указав на стул. – Сейчас же.

Он рассмеялся, но быстро спрыгнул вниз и занял свое место под одобрительные возгласы остальных учеников.

За три недели, минувшие с начала учебного года, мы быстро продвигались по учебному плану и приступили к изучению темы суверенитета Америки, отцов-основателей и войны за независимость, отсюда и родился вопрос о мужчинах в колготках. Из всех запланированных мной заданий работа с социальными сетями

давала наилучшие результаты. В первый же день родители получили длинное письмо с обоснованием необходимости использования социальных сетей на уроках. Школьные правила разрешали ученикам пользоваться ноутбуками, что позволяло нам заходить в интернет когда угодно, не перемещаясь в кабинет информатики. И это прекрасно совпадало с моей целью научить школьников жизни в мире современных технологий.

Социальные сети – неизбежное зло.

Естественно, они таят в себе определенную опасность, и поначалу родители очень переживали из-за этого, но все наладилось после того, как я развеяла их страхи в телефонных беседах и переписке по электронной почте. В итоге они поняли мою позицию и даже стали с удовольствием наблюдать онлайн за проведением уроков, раз уж не могли присутствовать на занятиях в классе. Я выслала приглашения в закрытую группу на «Фейсбуке», где размещала задания, вопросы для обсуждения, выкладывала видеопрезентации и фотографии того, что происходило в классе. За все это время количество участников группы росло в геометрической прогрессии, поскольку родители получили возможность глубже вникнуть в то, как учатся их дети, и понаблюдать за работой других. Я не считала, что нужно сравнивать чьи-то успехи, но находила отличную мотивацию в том, что родители увидят, как учатся более старательные ребята.

Еще мы создали аккаунты в «Твиттере» и пользовались на уроках этим форумом, а также частными форумами на «Пинтересте», где ученики вместе с родителями могли устроить мозговой штурм и коллективно подготовить информацию.

Лишь несколько родителей все еще отказывались сотрудничать – мой взгляд упал на Кристиана Марека, ссудулившегося за своей партой, – хотя я всеми силами пыталась их убедить. Я понимала, что такие ученики чувствуют себя обделенными, и даже подумывала полностью отказаться от этого метода работы, чтобы никто не страдал, но, увидев, какую он приносит пользу и какой получает отклик, изменила мнение. Мне просто требовалось найти особый подход к оставшимся родителям.

Я позволила себе слегка улыбнуться, мысленно усмехаясь над раздувшимся от гордости Маркусом. Но молчание сидящего за дальней партой Кристиана оглушало меня едва ли не сильнее, чем восторженные возгласы остальных учеников. Он уставился в экран своего ноутбука и казался одновременно

сердитым и скучающим. Мне никак не удавалось его понять. Я знала, что у него есть друзья. Видела, как он обедал с другими ребятами, играл на школьном футбольном поле, смеялся и шутил. Но на уроках – во всяком случае, на моем уроке – Кристиан словно отсутствовал. Он хорошо справлялся с домашними заданиями, но никогда не участвовал в дискуссиях и получал плохие оценки по тестированиям и контрольным работам. Что бы мы ни делали в классе – он все проваливал.

Я пыталась поговорить с ним, но это ни к чему не привело, и мне пришлось смириться с тем, что придется искать другие способы помочь ему. Например, мне уже давно следовало позвонить его отцу, но я не находила в себе мужества.

Я снова повернулась к классу, призывая себя сосредоточиться.

– Мои поздравления, мистер Мэтьюз. – Я кивнула, поддразнивая Маркуса. – Хотя вы, без сомнения, писали свой вопрос лишь ради смеха, он повлек за собой несколько интересных комментариев об истории костюма.

Я прислонилась к своему столу.

– Поскольку мода – очень популярная тема, мы также углубились в историю женской одежды, и это привело к дискуссии о феминизме, – напомнила я ученикам. – Что ж, конечно, тема о моде не входит в наш учебный план. – Я улыбнулась. – Но вы рассуждали критически и заметили взаимосвязь. Вы обсуждали, сравнивали и противопоставляли... – Я вздохнула, обвела класс веселым взглядом и продолжила: – И мне уж точно не было скучно читать ваши ответы, так что вы молодцы.

Ученики зааплодировали, и Маркус крикнул:

– Так мы получим песню недели?

Он приподнял брови в ожидании ответа.

– Когда ваша команда наберет пятьдесят очков, – напомнила я правило.

У меня были предусмотрены награды для каждого ученика индивидуально, но я поощряла и работу в группах, позволяя победителям выбрать одну песню, которую мы могли послушать в классе, если вся работа сделана и ученики хорошо потрудились. Я подошла к «умной доске» – современной версии классной доски – и постучала стилусом по поверхности, чтобы активировать. Проектор передал изображение с моего компьютера, и высветилась статистика по всем ученикам.

– Напоминаю. – Я подняла глаза и положила стилус на место. – Пятая группа отправляет твиты о текущих событиях до семи вечера. После просмотра я буду ретвитить их для вас.

Краем глаза я заметила, что Кристиан разговаривает со своей соседкой по парте.

– Вы должны выбрать какое-то одно сообщение, прочитать и поразмыслить над ним, а потом написать доклад на одну страницу. Машинописным текстом, двенадцатым шрифтом Times New Roman, а не Courier New, – уточнила я, зная их хитрость с использованием более крупного шрифта, – и сдать его мне к пятнице. Есть вопросы?

В классе раздалось невнятное бормотание, и я кивнула.

– Ну ладно, хватайте свои приборы. Опрос.

– У меня есть вопрос, – раздался вдруг чей-то голос. – А когда мы начнем пользоваться учебниками?

Я вскинула голову и увидела, что Кристиан смотрит прямо на меня, пока остальные ученики включают устройства, с помощью которых должны отмечать ответы в тесте вместо того, чтобы записывать их на бумаге.

– А вы бы предпочли воспользоваться учебниками? – поинтересовалась я, выпрямив спину.

– Нет! – первым выпалил Маркус и повернулся к Кристиану. – Чувак, заткнись!

Тот приподнял бровь, сохраняя хладнокровие и игнорируя своего одноклассника.

– Учебники предоставляются школой. Существует же учебная программа, которой мы должны придерживаться, верно? – практически с обвинением в голосе спросил он.

– Да, – подтвердила я.

– Так почему же мы их не используем? – настаивал он.

Я сделала неторопливый глубокий вдох, стараясь сохранить спокойное выражение лица. Меня предупреждали, что ученики будут постоянно бросать мне вызов, проверять границы дозволенного и провоцировать. Нужно не терять самообладания, относиться к каждому ребенку, как к своему собственному, и никогда не показывать слабости. Кристиан определенно испытывал меня во всем перечисленном. И не только тем, что не работал на уроках, но и периодическими провокациями. Казалось, ему нравилось не слушаться меня, опаздывать, дерзить и отвлекать других учеников во время занятий. Но как бы он ни старался помешать мне выполнять свою работу, я не могла не восхищаться им, выходя из роли учителя.

Я по опыту знала, что плохое поведение возникает из-за попустительского отношения к ребенку в других сферах его жизни. И хотя я сочувствовала Кристиану – ведь ему недодавали внимания дома или где-то еще, – он явно считал, что и здесь ему все сойдет с рук.

– Хороший вопрос, – сказала я. – А как ты думаешь, почему мы не пользуемся учебниками?

Он усмехнулся себе под нос и пронзил меня взглядом.

– На мой взгляд, вы закидываете меня новыми вопросами вместо того, чтобы ответить.

Я замерла и перестала улыбаться, а остальные ученики либо захихикали в ладошку, либо изумленно переводили взгляд с меня на Кристиана и ждали, что

будет дальше. От вида самодовольного выражения лица Кристиана у меня закипела кровь. Я сглотнула и сдержанно проговорила:

– Открываем пятьдесят шестую страницу.

– Фу-у! – простонал Маркус и, не глядя на Кристиана, бросил через плечо: – Ну спасибо.

Все достали учебники из специальных отделений под партами, зашуршали страницами и заворчали. Я взяла в руки пособие для учителей и откашлялась.

– Итак, тема сегодняшнего урока посвящена заслугам Патрика Генри, Бенджамина Франклина и Бетси Росс, – продолжила я. – Я бы хотела, чтобы вы прочли...

– Но мы уже проходили их! – крикнула Джордан Берроуз, девушка, сидевшая рядом с Кристианом.

Я сдвинула брови, склонила голову набок и притворилась непонимающей.

– Разве?!

К ней присоединился другой ученик.

– Две недели назад мы работали над этой темой в группах и посещали виртуальные музеи, – напомнил он мне.

– Ах, вот как, – подыграла я и продолжила: – Ладно, прошу прощения. Откройте шестьдесят восьмую страницу. Эта глава посвящена приходу к власти Джорджа Вашингтона при участии Томаса Джефферсона...

– Это мы тоже уже проходили, – рассмеялась сидевшая справа от меня Кэт Робишо. – Вы загружали для нас предвыборные плакаты в Pinterest.

Я посмотрела на Кристиана в надежде, что он понял мою мысль. Мы изучали все темы, описанные в учебнике, хотя и не открывали его. Ученики лучше запоминали материал, когда сами искали информацию и применяли полученные

знания в практической работе, а не просто читали текст.

– А-а, – откликнулась я. – Теперь вспомнила.

Кристиан заерзал на стуле, прекрасно понимая, что тема закрыта.

– Итак, – продолжила я, – на странице семьдесят девять есть двадцать вопросов, которые помогут нам подготовиться к завтрашнему тесту. Мы можем провести остаток урока, письменно отвечая на них в полном молчании, или же можем поработать десять минут, выбирая ответы через дистанционные устройства, а затем поискать в интернете информацию о невольничьих кораблях.

– Второй вариант! – тут же закричали со всех сторон.

– Мы могли бы проголосовать, – проворковала я совсем не потому, что хотела учесть все мнения, а чтобы окончательно утереть кое-кому нос.

– Второй вариант! – закричали ученики еще громче.

Ученики взялись за свои устройства. В течение следующих десяти минут я показывала на доске вопросы с несколькими вариантами ответов, оставляя на обдумывание каждого примерно минуту, а затем, когда все данные были внесены в программу, вывела на экран диаграмму с результатами опроса. После этого мы переключились на ноутбуки и до конца урока разбирали следующий блок информации, занимаясь поиском в интернете.

Пока ученики покидали кабинет, отправляясь на следующий урок, я наблюдала, как Кристиан в ожидании своей очереди на выход медленно продвигается вперед и смотрит в окно.

– Кристиан, – позвала я, когда он проходил мимо моего стола.

Он остановился и посмотрел на меня в своей обычной манере. Со скучающим видом.

– Твои вопросы очень важны для меня, – заверила я его. – И я приветствую, чтобы ты задавал их на моем уроке. Но только если ты будешь задавать их

вежливым тоном.

Кристиан продолжал молчать, глядя куда-то в сторону. Я понимала, что он неплохой парень и, конечно же, умный, но его взгляд прояснялся очень редко. Когда это происходило, я видела в нем ребенка. В остальное время до него было не достучаться.

– Где твой телефон? – поинтересовалась я. – Он нужен тебе для занятий, а ты его не используешь.

А еще он не вернул мне батарею. Не такая уж проблема, поскольку модели телефонов у нас совпадали и у меня осталась его батарея. Но ученикам разрешалось пользоваться телефонами, я лишь просила выключать звук и брать их в случае необходимости. Они могли работать с калькулятором, генератором случайных чисел для выполнения какого-либо задания и другими полезными для обучения приложениями. Я обнаружила, что чем больше позволяю ребятам пользоваться гаджетами, тем меньше они пытаются заглядывать в них тайком. А поскольку у всех были телефоны, я не переживала о том, что кто-то почувствует себя обделенным.

– Если у тебя какие-то проблемы, я могу поговорить с твоим отцом, – предложила я, понимая, что вряд ли Кристиан по собственной воле лишился телефона.

Но Кристиан расплылся в ухмылке, встретившись со мной взглядом.

– Вы и так с ним поговорите. – Он кивком указал в сторону окна. – И даже скорее, чем думаете.

С этими словами он повернулся и вышел, хлопнув за собой тяжелой деревянной дверью.

И как это понимать?

Я встала и выглянула в окно, пытаюсь догадаться, на что намекал Кристиан, но тут раздался сигнал интеркома.

– Мисс Брэдбери? – позвал директор Шоу.

– Да? – откликнулась я.

– Не могли бы вы пройти в мой кабинет? – попросил он с наигранной вежливостью, которая вызвала у меня отвращение. – И прихватите свои поурочные планы.

Я вскинула брови и ощутила слабость в коленях.

– О-о, – протянула я. – Конечно.

Неважно, сколько вам лет – четырнадцать или двадцать три, – ученик ли вы, учитель или родитель, вас все равно подташнивает, когда директор вызывает в свой кабинет. А еще ему понадобились мои поурочные планы? Зачем? Они же размещены на сайте. Он мог ознакомиться с ними в любое время по своему желанию.

Я застонала, сняла пиджак, бросила его на спинку стула, оставшись в облегающих черных брюках и серой блузке с длинными рукавами, и схватила распечатанные планы, которые нам было приказано держать на рабочем столе на случай внезапной проверки. К счастью, у меня было «окно» в расписании на время второго урока, так что следующая группа учеников ожидалась лишь через час.

Я миновала коридор и приемную, где заболевшие ученики ожидали медсестру, а нарушители дисциплины – наказания. Ковровая дорожка, расстеленная перед кабинетом директора, скрадывала звук шагов. Я сунула папку под мышку и дважды постучала в дверь мистера Шоу.

– Войдите, – пригласил он.

Сделав глубокий вдох, я повернула ручку и вошла, с легкой улыбкой кивком поприветствовав мистера Шоу, когда тот поднялся из-за стола. Повернувшись, чтобы закрыть дверь, я замерла на месте, обнаружив стоящего в противоположной части кабинета Тайлера Марека. Отведя взгляд, закрыла дверь и с оглушительно бьющимся сердцем снова повернулась к своему

начальнику.

Какого черта ему от меня понадобилось?

– Мисс Брэдбери. – Мистер Шоу широким жестом указал на отца Кристиана. – Это Тайлер Марек, отец Кри...

– Да, мы знакомы, – резко перебила я его, прошла вперед и встала за одним из двух стульев, размещенных перед рабочим столом Шоу.

Марек не двигался с места, возвышаясь в углу мрачной тени, и я понимала, чего от меня ждут. Рукопожатия, приветствия, улыбки... нет, нет и нет. Шоу выглядел смущенным моим поведением, но меня слишком терзали нехорошие предчувствия, чтобы вести себя по-другому. Директор вновь обрел самообладание, прочистил горло и взмахнул рукой.

– Прошу, присаживайтесь, – предложил он, глядя на нас обоих.

Я обогнула стул и села, но отец Кристиана продолжал стоять и не торопился занимать место рядом со мной.

– У мистера Марека есть некоторые опасения относительно Кристиана, – пояснил Шоу, – и его успеваемости по вашему предмету. Не могли бы вы просветить меня относительно того, какие проблемы у вас возникли?

Я моргнула, ощутив, как Марек сделал шаг вперед и оказался за моей спиной. Внезапно мне показалось, что мы втроем поменялись ролями. Шоу стал чьим-то взволнованным родителем, Марек – недовольным учителем, а я – учеником, которого разбирали по косточкам. Да как он смеет обращаться со мной так, словно я не знаю своих должностных обязанностей?!

– Сэр, я... – Я попыталась совладать с гневом, чтобы не сказать то, о чем потом пожалею. – Сэр, я впервые слышу, что у мистера Марека есть какие-то опасения. Я тоже хотела бы знать, что за проблемы возникли.

Мне не удалось скрыть беспокойство в голосе, так что прозвучало сказанное далеко не дружелюбно, но, по крайней мере, не резко. Кристиан действительно

испытывал трудности в обучении, но учебный год только начался, и я все еще пыталась наладить с ним отношения. Я отправляла ему домой – один раз даже обычной почтой – приглашения вступить в группы в социальных сетях и копии учебного плана с особо отмеченными важными датами. Может быть, я и не звонила его отцу, но это не значит, что полностью бездействовала.

Шоу поднял голову и послал Мареку извиняющуюся улыбку.

– Мистер Марек, вы оказали неоценимую поддержку этой школе, и мы так благодарны вам за то, что вы доверили нам воспитание вашего сына. Пожалуйста, расскажите нам о своих проблемах и о том, как мы можем помочь.

Я опустила глаза и ждала, чувствуя, как от присутствия Тайлера у меня покалывает спину. Он приблизился, опустился на сиденье рядом со мной, расстегнул пиджак и откинулся на спинку стула с уверенным видом.

– В первый же день занятий, – начал Марек, глядя только на Шоу, – мой сын пришел домой и сообщил, что на уроках мисс Брэдбери обязан пользоваться телефоном. Что ж, я, как и многие другие родители в нашем классе, купил сыну дорогой ноутбук, потому что мы понимаем, какие инструменты использует школа такого уровня. Это вполне разумные требования, – подчеркнул он, и я собралась с духом, догадываясь, к чему все идет.

– Однако, – продолжил Тайлер, – моему сыну всего четырнадцать, и мне не очень хочется приучать его к социальным сетям. Я зашел в одну из часто посещаемых школьниками групп на «Фейсбуке», и мне не очень-то понравились некоторые из их дискуссий. Кристиану необходимо вести три разных аккаунта в социальных сетях, где он общается с людьми, которых я не знаю, – заявил он. – Сейчас меня больше всего беспокоит не только его безопасность и оказываемое другими людьми на него влияние, но и то, как сильно он отвлекается. Он сядет делать домашнюю работу по математике, а его телефон будет разрываться из-за уведомлений о новых сообщениях в группе мисс Брэдбери.

Я прикусила язык в буквальном и переносном смысле, но не потому что его опасения были напрасны, а потому что мы разобрали бы все эти вопросы, если бы с самого начала он проявил интерес. Я прочистила горло и повернулась, чтобы взглянуть на него.

– Мистер Марек...

– Зовите меня Тайлер, – приказал он, и я вспыхнула, заметив в его глазах коварное веселье.

Я покачала головой, раздосадованная тем, что он постоянно напоминает мне о своем имени.

– Мистер Марек, – упрямо повторила я, – в первый же день занятий я отправила вам документ с подробными пояснениями, потому что предвидела подобные опасения.

Его брови изогнулись. Я выставила его невнимательным родителем, и он это понял. Расправив плечи и ощущая на себе пристальный взгляд директора Шоу, я продолжила:

– Я просила родителей подписать документ и прислать мне обратно...

– Мистер Шоу, – раздался позади меня голос, и я умолкла, скрипнув зубами от досады.

– Извините, что прерываю вас, – продолжила женщина, – но у нас в приемной возникла одна проблема, которая требует вашего неотложного присутствия.

Я узнала миссис Винсент, секретаря. Должно быть, она не постучала. Мистер Шоу виновато улыбнулся нам и встал из-за стола.

– Прошу прощения, я оставляю вас на минутку.

Расстроенная, я тихо выдохнула, но, к счастью, никто этого не заметил. Шоу покинул комнату, оставив меня наедине с Марекком.

Чудесно.

Дверь за моей спиной с щелчком захлопнулась, и я никак не могла отрешиться от массивной фигуры Марека. Его напряженный вид и молчание подсказывали, что он раздражен не меньше меня. Я надеялась, что Тайлер не заговорит, но

звук работающего в кабинете кондиционера лишь подчеркивал оглушительную тишину. И неизвестно, как бы я отреагировала, если бы Тайлер выдал что-нибудь в мой адрес. Я едва сдерживалась в присутствии директора, что уж говорить о беседе наедине.

Я сложила руки на коленях. Марек не шевелился.

Я отвернулась и посмотрела в окно. Он сделал носом глубокий вдох.

Я с притворно скучающим видом принялась разглядывать свои ногти, чувствуя, что против воли краснею под его пристальным взглядом, скользящим по моему телу.

– Вы же понимаете, – внезапно заговорил он, – что здесь нет профсоюза, который мог бы защитить вас, верно?

Я вцепилась в папку, лежавшую на коленях, и уставилась вперед, уловив в его напряженном голосе тонко завуалированную угрозу. Да, я все понимала. В большинстве частных школ учителей нанимали и увольняли по своему усмотрению, и руководству нравилось иметь такую свободу. Следовательно, профсоюзы не могли защитить нас так, как учителей в государственных школах.

– И все равно не можете удержаться от того, чтобы не трепать языком, – заметил Тайлер.

Трепать языком?

– Так вот в чем дело? – Я повернулась, изо всех сил стараясь говорить ровным голосом. – Вы играете со мной в какую-то игру?

Марек прищурился, его черные брови сошлись на переносице.

– Дело в моем сыне, – отчеканил он.

– А мое дело – работать с ним, – бросила я в ответ. – Я знаю, что делаю, и очень равнодушно отношусь к вашему сыну. – Тут я спохватилась и быстро добавила: – Ко всем своим ученикам, конечно же.

И вообще, чего он ко мне пристал? Моя учебная программа соответствовала образовательным стандартам. У всех учеников имелись телефоны. Черт возьми, да я видела на парковке, как их пятилетние братья и сестры пользуются телефонами! Я подробно обсудила свои намерения с руководством школы и родителями и проработала все возражения. Не только Марек опасался новых технологий, но он единственный пропустил все обсуждения. Его ожидал полный пакет информации, но от него ни слуху ни духу не было с самого дня открытых дверей.

– Поверить не могу, – пробормотала я и краем глаза заметила, как Марек повернулся ко мне.

– На вашем месте я бы вел себя осторожнее, – с угрозой в голосе проговорил он.

Я демонстративно отвернулась, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Марек не считал меня равной себе. На банкете в честь Марди Гра он хорошо притворялся, планируя приятно провести время со мной, но теперь я стала для него бесполезна. Всего лишь прислуга. Он оказался высокомерным и невежественным и даже не собирался относиться ко мне с должным уважением, учитывая мое образование и сложную работу.

Мне нравилось все контролировать, и я любила быть главной, но разве стала бы указывать врачу, как лечить меня, когда он рекомендовал мне, семнадцатилетней, не нагружать лодыжку целых шесть недель? Нет. Я прислушивалась к тем, кто лучше меня разбирался в проблеме, и, если у меня возникали какие-то вопросы, задавала их.

Вежливо.

Я закусила губу, стараясь держать свой болтливый рот на замке. У меня всегда это плохо получалось. И теннисную карьеру мне это портило, потому что не удавалось вести себя мудро и дистанцироваться от несправедливой, на мой взгляд, критики. «Задави их своей добротой», – подсказывал мне отец. «Разве я не уничтожаю своих врагов, подружившись с ними?» – говорил Авраам Линкольн. Но даже понимая всю мудрость этих слов, я никак не могла совладать с собой. Если уж хотела высказаться, то теряла всякий контроль и выдавала целые тирады.

Моя грудь вздымалась и опускалась, я стиснула зубы.

– О, ради всего святого! – рассмеялся Марек. – Ну, выскажитесь уже. Давайте. Я же вижу, как вам этого хочется.

Я вскочила со стула и посмотрела на Тайлера сверху вниз.

– Вы действовали за моей спиной, – без колебаний прорычала я. – Вы не заинтересованы в общении со мной как с учителем Кристиана. Иначе сначала бы связались со мной. Но вы захотели унижить меня перед моим начальством.

Он склонил голову набок, наблюдая за мной, и на его скулах заиграли желваки.

– Если вас что-то беспокоило, – продолжила я, – то следовало сначала обратиться ко мне, а если бы проблема не решилась, то тогда уже идти к Шоу. Вы не подписали ни одного присланного мной документа и не приняли ни одного приглашения в группы в социальных сетях, тем самым показывая, что не интересуетесь успехами Кристиана в обучении. Это все фарс и пустая трата моего времени.

– А вы пытались связаться со мной? – возразил Марек, поднимаясь со своего места и пронзая взглядом. – Раз уж я не подписывал бумаги и не вступал в группы и раз уж мой сын провалил недавнее тестирование? – Он оскалился. – Вы писали мне по электронной почте или звонили, чтобы обсудить проблемы в обучении моего сына?

– В мои обязанности не входит гоняться за вами! – отбивалась я.

– Вообще-то, входит, – парировал он. – Общение с родителями – это часть вашей работы, так что давайте поговорим о том, почему вы регулярно общаетесь с родителями друзей Кристиана, а меня избегаете.

– Вы это серьезно?! – Я чуть не рассмеялась и бросила папку на стул. – Это же не какая-то детская игра «кто первый позвонит, тот проиграет». Мы же не школьники!

– Тогда прекращайте вести себя как ребенок, – приказал он, и его мятное дыхание коснулось моего лица. – Вы понятия не имеете, насколько внимательно я отношусь к сыну.

– Насколько внимательно относитесь к сыну? – Мои губы сами собой растянулись в широкой улыбке. – Да не смешите меня. Он хотя бы знает, как вас зовут?

Его глаза потемнели. У меня перехватило горло. Вот дерьмо. Я зашла слишком далеко. Мы стояли так близко, что было слышно, как Марек разъяренно втягивает носом воздух, и я боялась пошевелиться, не зная, какой реакции от него ожидать. Не то чтобы я испугалась расправы – во всяком случае, физической, – но мне внезапно захотелось побыть одной.

Марек вдруг придвинулся ко мне, и от аромата его одеколона мои веки затрепетали. Он прищурился, а затем перевел взгляд на мои губы. Боже.

– Что ж, еще раз прошу прощения. – Шоу ворвался в кабинет, и мы с Марекот отпрянули друг от друга и отвернулись, пока директор стоял к нам спиной, закрывая дверь.

Черт.

Я пригладила блузку и наклонилась, поднимая папку с планами уроков. Между мной и Тайлером ничего не произошло, но почему-то было неловко. Шоу прошел мимо нас, и я украдкой заметила, как Марек скрестил руки на груди.

– Несмотря на то, что миссис Винсент практически управляет этой школой, – продолжил Шоу весело, – кое-где и мне приходится расписываться. Так на чем мы остановились?

– Эдвард, – прервал его Марек, застегивая пиджак от Армани и натянуто улыбаясь. – К сожалению, у меня назначена встреча. Мы с мисс Брэдбери поговорили, и она согласилась скорректировать свою работу на уроке во благо Кристиана.

Простите, что?!

Я уже хотела повернуться, чтобы пронзить Марека взглядом, но передумала и вместо этого стиснула зубы и вздернула подбородок, отказываясь смотреть на Тайлера. Не собиралась я ничего в своей работе корректировать.

– О, замечательно! – Шоу улыбнулся с явным облегчением. – Благодарю вас, мисс Брэдбери, за содействие. Мне нравится, что мы так легко разрешили все проблемы.

Я промолчала. Хуже не будет, если Шоу так и останется в неведении, а Марека, скорее всего, забудет о своих родительских обязанностях еще на несколько недель и на это время оставит меня в покое.

– Мисс Брэдбери. – Марека протянул мне руку для рукопожатия, зловеще глядя на меня.

Я посмотрела на него и обратила внимание, что один его глаз слегка прищурен, и это придает пронзающему меня взгляду зловещее выражение. О Мареке я могла сделать два вывода: он привык получать все, что хочет, и только что, по его мнению, добился своего.

Вот дурак.

Я с наслаждением потягивала из пинты «Абиту Амбер», любимый сорт местного пива. Стояла середина сентября, и даже по вечерам все еще было жарко. Если бы не влажность, дышалось бы легче; пока же улицы напоминали душный, битком набитый людьми лифт, в котором не повернуться.

В ожидании брата, который должен был составить мне компанию за ужином, я сидела за столиком в Port of Call и перебирала в подставке для специй пакетики с сахаром, пересчитывая их. Семь упаковок сахарозаменителя марки Equal, шесть – Sweet’N Low, семь – Splenda и пять пакетиков обычного сахара. Ну и бардак.

Я развернулась, схватила с соседнего столика еще одну подставку со специями и выбрала нужные. Маленькие пакетики шуршали, пока я перекладывала в подставку на своем столике еще один Equal, два Sweet’N Low, один Splenda и три

упаковки обычного сахара. Остальные вернула обратно и пересчитала, что получилось. Восемь, восемь, восемь и еще раз восемь.

Идеально.

Сделав глубокий вдох, я отодвинула подставку обратно на край стола к другим приправам и упаковке с салфетками и тут...

Я замерла, обнаружив, что брат стоит у стола с бокалом в руке и наблюдает за мной.

Дерьмо.

Я скорчила гримасу и дождалась, пока он сядет. Мы не виделись уже четыре дня. На этой неделе меня просили задержаться после уроков на педсовете, а Джек с головой ушел в свои доклады и статьи.

Даже в помятой рубашке брат притягивал женские взгляды. Он откинулся на спинку стула и красноречиво посмотрел на меня, как бы обдумывая, стоит ли делиться со мной своими мыслями и какие для этого подобрать слова.

– Выкладывай, – сдалась я.

– Даже не знаю, что и сказать.

Я вскинула взгляд и откинулась на спинку стула.

– Тогда перестань смотреть на меня так, будто я – Говард Хьюз[4 - Миллиардер, имевший серьезное психическое заболевание.], – приказала я. – У меня довольно распространенное недеструктивное расстройство. Я так успокаиваюсь.

– Недеструктивное, – повторил брат и сделал глоток. – Ты сегодня пять или шесть раз возвращалась домой, чтобы проверить, выключила ли плиту?

Я расправила плечи, когда подошел официант и поставил на наш столик воду.

– Ну, а с чего мне это помнить, если я выключила ее после того, как разобралась с героином? – пошутила я, и Джек расхохотался.

Я знала, что он считает мою обсессивно-компульсивную чушь проблемой, которую мне не преодолеть без посторонней помощи, но правда заключалась в том, что я не хотела ее преодолевать. Во всяком случае, с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Когда кто-то, кому вы доверяете, крадет ваше чувство безопасности и целых два года держит вашу жизнь в своих руках, мозг находит способы компенсировать потерю контроля.

Я чувствовала себя спокойнее, когда вещи лежали на своих местах. Когда имела власть даже над мелочами. Вся моя семья – родители, брат и ныне покойная сестра – заплатили огромную цену за то, что впустили в свою жизнь того, кому, как нам тогда казалось, мы могли доверять. По сравнению с этим мое маленькое расстройство меня совершенно не тревожило.

Если я не пересчитаю пакетики с сахаром, перед уходом не проверю четыре раза, выключена ли плита, не почищу зубы за сто двадцать секунд, то случится что-то плохое. Я не знала, что именно, и понимала, что это смешно, но все равно чувствовала себя в большей безопасности, выполняя все ритуалы.

Как правило, погружаясь в работу, я забывала о тревогах, но в моменты отдыха – как сейчас – имела обыкновение постукивать пальцами, перекладывать что-нибудь и считать. Это дарило мне пусть и ложное, но хоть какое-то чувство безопасности. Контроль успокаивал меня.

– Как дела в школе? – спросил брат.

Я положила локти на стол и сделала глоток пива.

– Довольно хорошо. Мне нравятся дети.

Общение с учениками являлось на самом деле самой легкой частью моей работы. Удерживать их внимание было трудно, и это требовало много сил, но своевременное выполнение всех второстепенных обязанностей выматывало меня еще больше и отнимало огромное количество времени.

– Ты выглядишь усталой, – заметил Джек.

– И ты тоже, – с улыбкой парировала я. – Не переживай. Я в полном порядке. Я весь день на ногах и к вечеру чувствую себя выжатой как лимон, но мне нравится эта усталость.

– Как после игры в теннис?

Я помедлила, обдумывая его слова, и согласилась:

– Вроде того. Только еще лучше, пожалуй. Раньше мне казалось, что я выхожу на корт и выкладываюсь полностью. Напрягаю мышцы до предела и собираю всю волю в кулак, чтобы победить.

– А теперь? – любопытствовал брат.

– А теперь я делаю все то же самое, только более осознанно, – ответила я. – Мне есть ради чего стараться.

Джек задумчиво посмотрел на меня. Похоже, что поверил, да и с чего бы ему не верить мне? Это чистая правда. Теннис был моей жизнью. Иногда становилось весело, а порой – почти невыносимо, и, хотя я не понимала, ради чего тренируюсь и соревнуюсь, я всегда ложилась спать с чувством удовлетворения от хорошо проделанной работы. И в то же время никогда не ощущала себя обязанной выкладываться по полной программе.

– Эйвери гордилась бы тобой, – тихо сказал Джек и слабо улыбнулся.

Я отвернулась, мое сердце сжалось. Неужели гордилась бы? Стала бы моя сестра гордиться тем, что я живу так, как мечтала она сама?

– Так ты решил вопрос?

Джей следовал за мной, уткнувшись в пресс-релиз для интервью на телевидении, намеченного на следующий понедельник, и спрашивал меня об учительнице Кристиана. Я толкнул дверь кабинета и увидел Коринн, свою помощницу. Она подготавливала все к утреннему собранию и наливала воду в стаканы, расставленные на столе для совещаний, который находился по левую руку от меня.

– Конечно, – пробормотал я и расстегнул пиджак.

– Что ж, ради этой встречи ты отменил запись рекламного ролика. Больше так не делай, – предупредил брат.

Я приподнял бровь и ничего не ответил, только посмотрел поверх его плеча на Коринн и одними губами произнес: «Кофе». Она кивнула и вышла из кабинета. Я выдохнул и сосредоточился на экране компьютера, проверяя почту.

– Вообще-то, я не просил договариваться о записи рекламного ролика, – напомнил я Джею. – Я еще даже не баллотируюсь в сенаторы. Во всяком случае, официально, – добавил я. – Тебе не кажется, что мы слишком торопимся?

– Тайлер, именно об этом мне и нужно с тобой поговорить. – В голосе брата прозвучало раздражение. – Ты не победишь, если не начнешь чаще мелькать на экранах. Кампании существуют на средства спонсоров.

Я покачал головой, просматривая расписание на день.

– Не люблю быть в долгу.

Похоже, мне придется повторять это брату каждый день.

– Да, я тебя понимаю. Поверь мне, – проговорил он еще более раздраженно, – я прекрасно осведомлен о твоём мнении по данному вопросу.

Я не нуждался в спонсорской помощи для своей кампании. Я построил на юге страны пятую по величине медиакомпанию в области телевидения, интернета и телефонии. Затем продал ее и начал все сначала, построив одну из десяти крупнейших строительных фирм в мире.

Мне не просто не нравился мир СМИ. Я его ненавидел.

Я полагал, что медиа послужат во благо моей политической карьере – расширение аудитории избирателей и увеличение популярности, – но не получал удовлетворения от созидания того, что нельзя потрогать. Тогда я понял, что необязательно дожидаться вступления в высокую должность, чтобы изменить мир к лучшему. Можно начать уже сейчас.

Поэтому, насладившись управлением компанией, насколько это было возможно, я продал ее и теперь создавал множество вещей, к которым мог прикоснуться. Вышки, дома, небоскребы, корабли и даже строительное оборудование. Я занимался производством чего-то материального и более того – полезного людям. Обеспечивал их работой. Мне принадлежало шестидесятиэтажное здание, в котором располагался мой офис, столько недвижимости, что умом не охватить, и уж точно я не нуждался в подачках от людей, которые хотели бы иметь под контролем политика.

Я сам всего добился и точно так же сам, без чужой помощи, собирался пробиться в сенат.

Но брат считал иначе.

– Тайлер, позволь мне кое-что объяснить. – Он бросил папку на стул и подался вперед, упершись ладонями в столешницу. – Не претендуя на спонсорскую помощь, ты также не претендуешь и на поддержку. Когда Блэквелл получил спонсирование в два миллиона долларов, он также заработал голоса. – Джей втолковывал мне, словно ребенку. – Он заручился поддержкой всех членов этой организации. И их друзей. И друзей их друзей, – добавил он. – Спонсорская помощь – это не только деньги. Это доказательство, что другие люди доверяют тебе. Они публично поддерживают тебя, потому что вложили в тебя свои средства и заинтересованы в твоей победе.

– Вот именно, – кивнул я, по-прежнему воинственно настроенный. – Я не собираюсь играть с этими людьми в шахматы и служить их пешкой.

Я взял со стоящего у окна стола статью, которую вырезал из газеты.

– Взгляни на это, – бросил я, держа в руках вырезку, и пояснил: – Сенатор Маккой урезал финансирование внеурочной школьной деятельности, чтобы перенаправить деньги из государственного бюджета на благоустройство городских парков Денвера. Однако городские парки не отразили поступившие средства в своем ежеквартальном отчете. Так куда же делись деньги?

Вопрос был риторическим, поэтому я не стал дожидаться ответа и схватил распечатку другой статьи, найденной прошлым вечером в интернете.

– А вот другой парень, – заговорил я, насмехаясь над братом. – Депутат Келли хочет сократить финансирование женских клиник, потому что «не видит смысла делить врачей на мужских и женских». – Я процитировал фразу из статьи, а затем, нахмурившись, посмотрел на брата. – Этот гений считает, что у мужчин и женщин одинаковая репродуктивная система, и все же имеет право голоса в вопросах здравоохранения.

Увидев, как брат закрыл глаза и покачал головой, я рассмеялся.

– Вот зачем я баллотируюсь, Джей, – заявил я. – А не для того, чтобы соревноваться, кто популярнее и у кого больше гребаных друзей.

– Да пошел ты, Тайлер. – застонал он, провел рукой по волосам и встал. – Я собираюсь пойти выпить, а завтра снова возьмусь за тебя.

С этими словами он повернулся к выходу из кабинета.

Выпить?

Я бросил взгляд на часы.

– Сейчас только одиннадцать утра!

– Это Новый Орлеан, – невозмутимо проговорил Джей, будто это все объясняло. – Ах, да... – Он развернулся, двигаясь спиной к двери. – Начни появляться на людях с какой-нибудь женщиной.

Я поджал губы, чувствуя, что сыт по горло всеми его приказами.

– Мне казалось, ты заявлял, что в качестве холостяка я привлеку больше «одиноких избирательниц», – процедил я сквозь зубы.

– Да, в качестве холостяка. А не одинокого девственника, – возразил он. – Люди подумают, что ты гей.

А потом он снова повернулся и исчез за дверью. Я провел рукой по лицу, ощутив, как на затылке выступила испарина. Господи. Почему это так сложно?

Ну почему все так сложно?

Мне вовсе не хотелось, чтобы место в сенате мне подали на блюдечке с голубой каемочкой, – я планировал работать и гордился своей предвыборной программой, – но эти гребаные игры... С кем я встречаюсь, во что одет, организую ли постановочные фотосессии с сыном, который ненавидит меня, просто чтобы создать образ крепкой семьи... Все это казалось чушью собачьей.

Я знал о руководителях компаний, которые списывали расходы на проститутток в счет своих налогов, политиках, чьи дети сидели на наркотиках, и гражданских проектах, финансируемых бандитами. Все эти люди лишь притворялись правильными и чистенькими, а внутри у них была одна гниль. Я собирался занять высокий пост, но мне не нравилось корчить из себя кого-то другого и не хотелось терять свободу. Со мной все в порядке. Мне не нужно меняться.

Я взял кофе, который принесла Коринн, – черный, крепкий, как я люблю, – и подошел к окну, чтобы полюбоваться городом.

Моим городом.

Сверху было видно могучую Миссисипи, похожую на пульсирующую артерию из-за множества грузовых судов и буксиров. Она несла свои воды мимо

выставочного центра, собора Святого Людовика и Французского рынка. Потягивая черный кофе, крепкий и горький, как мне нравилось, я заметил вдалеке грозовые тучи, надвигающиеся с юга от реки.

Мой город.

Он весь полон жизни. Цветы и мох, растущие между бетонными плитами тротуара, покрытые облупившейся краской магазины на Мэгэзин-стрит, музыканты, бренчащие на гитарах во Французском квартале, – ничего из этого мне не хотелось менять.

И столь многое хотелось изменить.

Вот почему я стремился получить политическое влияние. Но я не желал играть по правилам Джея. Конечно, мне не нравилось выкладывать подробности личной жизни на всеобщее обозрение, но и стыдиться кое-чего в себе я не собирался тоже.

Например, того, как вчера мне понравилось подначивать Истон.

Я прищурился, глядя в окно. В мои намерения не входило выставять себя таким придурком, но эта женщина меня разозлила. Такая недоступная – во всяком случае, теперь, – она вся пылала презрением с того самого момента, как вошла в комнату и увидела меня. Вела себя так, словно ненавидит меня, и почему-то задела этим.

Кристиан не давал мне покоя из-за своего проклятого телефона, мое терпение лопнуло, и я решил, повинуясь порыву, пойти и покончить с проблемой. Планировал назначить встречу, но Шоу – которого я еще на Дне открытых дверей вычислил как большого подхалима – в попытке задобрить меня пожелал немедленно во всем разобраться. Когда Истон вошла в кабинет и ее длинные каштановые волосы рассыпались по плечам, я едва не потерял рассудок. Это были те же самые густые волосы, ниспадающие каскадом на гладкую кожу ее спины, когда я следовал за ней на балкон в тот вечер.

Боже, как же она красива!

Меня не волновало, что мы поссорились и она явно разозлилась. Если бы я находился с этой страстной женщиной не в школе, а у себя в кабинете, наша встреча закончилась бы по-другому. Я взглянул на черный кожаный диван, представляя, как Истон бы на нем смотрелась.

Легко бы она не далась. На самом деле, у меня возникло странное чувство, что мы бы вели себя как старшеклассники, и я бы ощущал себя победителем, если бы просто засунул руку ей под блузку.

Но это все пустые фантазии. Мне нельзя к ней прикасаться.

И не потому что она бы всеми силами пыталась сопротивляться – мы находились уже не в том положении, – но я ни за что бы не позволил себе ставить под угрозу благополучие сына или политическую карьеру.

«Тайлер Марек соблазняет учительницу сына-старшеклассника».

Да, заголовки в газетах потопят меня, и у Джея случится нервный срыв.

Бринн, мать Кристиана, запретила бы мне любое общение с сыном, а сам он никогда бы меня не простил. Наши отношения держались на волоске, и ему требовался лишь предлог для ссоры.

Так почему же я понимаю это, но все равно ее хочу?

Я открыл духовку и с помощью прихватки вынул оттуда тарелку. Миссис Джиро, экономка, с огромной охотой взяла на себя приготовление пищи с тех пор, как у меня поселился Кристиан. Каждый день она оставляла для нас горячий ужин, но даже при всем желании приходить домой вовремя я не всегда мог себе это позволить.

За последние три недели мы с Кристианом ужинали вместе, наверное, раз пять. Иногда я пропускал по своей вине: требовалось срочно с кем-то встретиться или я опаздывал. Но чаще всего Кристиан избегал меня. Он пропадал у друзей, предпочитая поесть в гостях, или же ужинал, не дожидаясь моего возвращения домой. Такой же неуловимый, как и его учительница.

Прихватив тарелку, салфетку и бутылку пива, я двинулся по коридору с мраморными колоннами в свой кабинет, но остановился, услышав, как кто-то смеется в комнате отдыха.

– Нет, чувак! – прозвучал чей-то голос. – Ты только посмотри на эти фотографии! Мы должны их распечатать.

Я прищурился и медленно двинулся на звук.

– Черт. Винс только что твитнул, – слышался голос Кристиана. – Фу, какая гадость! Интересно, этот дом еще не снесли? Зайди в Google Earth.

Я усмехнулся, услышав взволнованные нотки в его голосе. Google Earth? Ну хоть не порно. Поставив свою ношу на маленький столик рядом с двойными деревянными дверями, ведущими в комнату отдыха, я толкнул одну створку и заглянул внутрь.

– Привет, – поздоровался я с сыном и двумя его приятелями, которые предпочли растянуться на покрытом ковром полу вместо того, чтобы устроиться в креслах. Все они уткнулись в ноутбуки и выглядели очень сосредоточенными. Кристиан сверкнул глазами в мою сторону, но затем потерял ко мне интерес и уставился в монитор.

– Привет, – пробормотал он и перестал улыбаться.

Его друзья жевали и что-то печатали. Я вошел в комнату, ослабил узел галстука и снял пиджак.

– Ты поел? – поинтересовался я, направляясь к центру комнаты.

Кристиан даже не взглянул на меня, только жестом указал на коробки из-под пиццы. Я вздохнул, растерянно потирая подбородок. Кристиан был единственным ребенком в семье, его мать, выйдя замуж, решила больше не рожать. Хотя в течение последних десяти лет я занимался работой и увеличением капитала, у меня всегда была уверенность, что рано или поздно появятся еще дети.

Когда я встречу подходящую женщину.

В конце концов, это естественный ход жизни. Получение образования, начало карьеры, свадьба и рождение детей. Я не хотел быть отцом в двадцать лет, но сейчас уже созрел морально. Но какой из меня отец, если не удастся завоевать любовь уже имеющегося сына?

– Что это вы тут делаете? – Я заглянул в экран Кристиана.

– Просто домашняя работа, – ответил он, пролистывая картинки.

– Переулок Пиратов? – Я пригляделся внимательнее и узнал на фотографии яркие стены зданий и вывеску бара «Олд Абсент Хаус».

– Ты когда-нибудь бывал там, Кристиан? – спросил я, глядя на него. Одну ногу он поджал под себя, а другую вытянул рядом с ноутбуком.

– Да, – отрезал он, потянулся к телефону своего друга и начал отправлять твиты.

Я внимательно изучил изображение на экране и догадался, что Кристиан сидит в интернете. Я мало что знал о Pinterest, но, похоже, это был популярный сайт. Впрочем, все выглядело так, будто Кристиан действительно занят домашней работой.

– И что вам задали? – уточнил я более суровым тоном.

– Мисс Брэдбери выложила сегодня квест за дополнительные баллы, – выпалил Кристиан. – Нужно нанести на карту достопримечательности восемнадцатого века. Кто будет первым, тот и победит, ясно?

На скулах у него заиграли желваки. Он постепенно превращался в мужчину с характером.

– Она это сегодня вам задала? – спросил я, стараясь сохранять спокойствие, хотя уже знал ответ.

А ведь я ясно выразился, что моему сыну не позволено выполнять домашнее задание через социальные сети. Он получил разрешение брать свой телефон, если сделает все уроки и по выходным, но, конечно, мог выходить в интернет в любое другое время и одалживать телефоны друзей.

Кристиан покачал головой и бросил телефон обратно своему другу.

– Нет, вот здесь. – Его приятель наклонился и указал на картинку на экране, сверяясь с картой на своем телефоне. – Этот дом стоит на углу с монастырем Урсулинок.

И обо мне забыли.

Ох уж эта мисс Брэдбери и ее глупая решимость продолжать злить меня. Сорвав с себя галстук, я вышел из комнаты и так и оставил нетронутой еду на столе.

6

Истон

Я отпрыгнула вправо, перенесла вес тела на левую ногу, держа ракетку обеими руками, и отбила теннисный мяч обратно через корт. Резко выпрямившись, бросилась в центр площадки, с силой отталкиваясь ногами и часто дыша. Автомат для подачи в очередной раз выстрелил, и я с силой отправила мяч вне пределов досягаемости с другой стороны сетки.

Вот дерьмо.

Я провела языком по пересохшим губам и почувствовала, что очень хочу пить. Я уже порядком набегалась по корту вперед, назад и из стороны в сторону в попытке отбивать мячи из автомата, подаваемые с запрограммированными мной скоростью, траекторией и вращением. Похоже, все-таки переоценила свою физическую форму.

Конечно, я занималась спортом. Бегала и выполняла дома силовые упражнения с теми подручными средствами, которые имела, но теннис требовал мышечной силы, которой я теперь не могла похвастаться.

Примерно раз в полгода я вспоминала, что являюсь членом клуба, у которого есть доступ к отличным, закрытым для широкой публики кортам в спортивном центре. Но ни с кем не играла. Мой последний матч был пять лет назад во время первого раунда Уимблдона, состоявшегося второго июля, незадолго до того, как мы с братом переехали в Новый Орлеан. Именно в этот день я получила дисквалификацию, штрафные очки и, не имея никакой надежды на победу, ушла с корта до официального завершения игры и больше уже не вернулась в профессиональный теннис. Брат пытался утешить меня, уверял, что я все равно не смогла бы сосредоточиться на игре после того, что мы пережили в начале того лета. Что у нас тяжелое время.

Черт побери, к тому времени я уже два года жила в таком напряжении, но все же тогда мне захотелось вернуться. Я сыграла свой последний профессиональный матч хуже всех прочих, и это было единственное, что вызывало во мне стыд.

Я повела себя как капризный ребенок, и, несмотря на все предыдущие достижения, именно такой Истон Брэдбери и запомнилась людям. Теперь-то черта с два эта Истон Брэдбери повторит подобную ошибку.

Так странно, что привычный когда-то образ жизни теперь казался таким чуждым. Раньше я делала это каждый день. Просыпалась в пять утра, съедала легкий завтрак или выпивала протеиновый коктейль, надевала экипировку и проводила на корте пять часов. В перерывах делала уроки и ела, а потом снова выходила на тренировку. По вечерам прикладывала лед к ноющим суставам и мышцам и читала перед сном. Я не посещала школу, не ходила на вечеринки, и у меня не было друзей. Наверное, поэтому Джек и стал моим лучшим другом.

Я хмыкнула, чувствуя боль в ладони, которой стиснула ракетку и наотмашь отбила очередной теннисный мяч, отправив его за пределы гребаной площадки.

– Черт, – пробормотала я, остановилась, уперла руки в бока и опустила голову. – Вот дерьмо.

Я вытащила пульт дистанционного управления из-за пояса теннисной юбки и отключила автомат. Позади засигналила машина.

Джек сидел в своем «Вранглере» и смеялся надо мной, а в его салоне грохотала композиция Untraveled Road в исполнении рок-группы Thousand Foot Krutch. Я скорчила ему рожицу и пошла к выходу, отдав пульт дежурному и схватив свою спортивную сумку. Бросила полотенце в корзину для грязного белья, обогнула забор и вышла на тротуар.

– Ты все пропустил, – запротестовала я, забираясь на пассажирское сиденье. – Я лупила по мячам, как сумасшедшая. – Я запрыгнула на пассажирское сиденье и кинула сумку на пол.

Он улыбнулся себе под нос, переключая передачу и отъезжая от обочины.

– Ты ведь знаешь, что можешь поиграть со мной, правда?

– Без обид, Джек, но мне нужен серьезный противник, – фыркнула я.

– Негодница. – Его грудь затряслась от смеха.

Я улыбнулась и вытащила телефон. В детстве Джек действительно был отличным спарринг-партнером. Он даже участвовал в соревнованиях, пока не выяснилось, что у него душа к этому занятию не лежит. Когда родители заметили, что я проявляю больше интереса и гораздо более послушна, то сняли его с крючка и взялись за меня. Я никогда не понимала, почему так важно, чтобы один из нас обязательно добился успеха в профессиональном спорте, но в основном списывала это на желание родителей находиться в центре внимания и хотя бы косвенно осуществить несбывшуюся мечту, ведь оба они были спортсменами-любителями в свое время.

– Ты приезжаешь сюда довольно редко и всегда одна, – заметил Джек, сворачивая на Сент-Чарльз и направляясь мимо Тулейна в сторону района Садов. – Ты словно заставляешь себя делать то, чего не хочешь. Словно все еще чувствуешь себя обязанной играть.

Мелькающие в ветвях деревьев солнечные лучи падали мне на колени, и, чтобы отвлечься, я решила проверить электронную почту. Брат уже пять лет вел себя так, но я полагала, что, как только закончу колледж, он оставит меня в покое.

– Истон? – настойчиво позвал Джек.

Я пролистала список сообщений и мгновенно позабыла о брате, как только увидела входящее письмо от Тайлера Марека. Я сглотнула, стараясь не обращать внимания на странное тянущее чувство в животе, которое вызывала во мне заманчивая мысль вступить с ним в переписку.

– Истон? – повторил Джек, и в его голосе послышалось раздражение.

– Джек, да заткнись ты! – рявкнула я, открыла письмо Марека и прочла его.

«Уважаемая мисс Брэдбери, я полагал, что мы поняли друг друга.

Даже с учетом того, что вы получили соответствующее образование, кое-что я готов допустить, но кое-что – нет. Мои ожидания в отношении образования моего сына соответствуют государственным стандартам, и я предлагаю вам найти такой способ выполнять свою работу – как это делают остальные учителя в данной школе, – чтобы не увеличивать нагрузку на семьи свыше оплаченных нами за обучение денег. В будущем я ожидаю соблюдения следующих условий:

1. Мой сын НЕ допускается в социальные сети для выполнения домашних заданий. Я не поощряю отвлекающие факторы и требую полной сосредоточенности во время обучения. Возражения не принимаются.

2. Вы обязаны уведомить меня ПРЕЖДЕ, чем соберетесь выставить ему любую оценку ниже пятерки в качестве итогового балла.

3. Критерии для оценки презентаций не имеют смысла. Презентации проводятся в школе, и я никак не могу увидеть их, оценить или как-то помочь в их выполнении сыну. Качество таких заданий вообще не должно оцениваться.

4. Наблюдение за более опытными специалистами в вашей области поможет лучше разобраться с процессом обучения школьников. Если хотите, я с удовольствием порекомендую директору Шоу направить вас на стажировку.

Надеюсь, что вы примете соответствующие меры, и у нас не возникнет проблем в дальнейшем. Мой сын и впредь НЕ будет пользоваться телефоном на уроке. Если у вас есть какие-либо возражения, пожалуйста, свяжитесь с моим секретарем и договоритесь о встрече.

С уважением,

Тайлер Марек».

Мою челюсть словно пронзили острые иглы, и я поняла, что стиснула зубы. Закрыв глаза, сделала глубокий яростный вдох.

Вот сукин сын!

Я издала вопль, ударив себя кулаками по бедрам.

– Ого, – раздался сбоку от меня голос Джека. – Что стряслось?

Я покачала головой, кипя от злости, и процедила сквозь зубы:

– Нагрузка на семьи? Этот козел – миллионер, а социальные сети бесплатны! Что за чушь он несет?! – закричала я, повернувшись к брату. – Сукин сын!

– Что, черт возьми, случилось, Истон? – повысив голос, снова потребовал Джек, резко вывернул руль в сторону и обратно. Слева от нас проехал трамвай, звякнув колокольчиком.

Я пропустила вопрос мимо ушей и опустила взгляд на экран телефона. Все рабочие и домашние номера родителей я внесла в контакты еще в первую учебную неделю, поэтому без труда нашла номер Марека. Вряд ли он работал в субботу. Никаких ответных писем. Я хотела разобраться с проблемой прямо сейчас.

– Истон, что ты делаешь? – Мой брат нервно крутил руль и поглядывал на меня.

С усмешкой я покачала головой.

– «На стажировку», – подражая мужскому голосу, процитировала я фразу из письма, посмотрела на брата и приложила к уху телефон, в котором уже звучали гудки. – Я должна каждый раз отвлекаться от кучи дел, чтобы лично уведомить, что его маленький принц получил четверку? – продолжила я возмущаться. – С чего бы? Чтобы он мог оспорить каждую оценку?

– Тебе прислал письмо кто-то из родителей? – До брата постепенно начало доходить.

Я кивнула.

– Да. Он ожидает и требует, чтобы я приняла соответствующие меры, потому что его бесят мои методы работы. Высокомерный, высокопоставленный... – Я заставила себя умолкнуть прежде, чем мой гнев излился.

Не дождавшись ответа, я сбросила звонок и набрала рабочий номер Марека. Для таких людей, как он, выходных, видимо, не бывает. Возможно, мне удастся назначить ему встречу через секретаря. После двух гудков раздался щелчок, и кто-то ответил.

– Доброе утро. Приемная Тайлера Марека, – проворковал приятный женский голос. – Чем я могу вам помочь?

Мое сердце оглушительно загрохотало, на шее задергалась жилка. Я помедлила, почти желая, чтобы его вообще не оказалось на работе. Мне требовалось время, чтобы успокоиться. Но я сглотнула и все равно выпалила:

– Да, здравствуйте.

– Истон, не горячись, – попытался успокоить меня брат.

Я прикусила губу, чтобы не выдавать голосом злости.

– Меня зовут Истон Брэдбери, я бы хотела встретиться с мистером Марек, – проговорила я в трубку. – Уверена, что сегодня его нет на работе, но...

– Одну минуту, пожалуйста, – перебила меня секретарь, и наступила тишина.

Я втянула носом воздух, понимая, что ее босс все-таки в офисе.

– Марек? – переспросил брат. – Тайлер Марек?

Я взглянула на него, раздраженно выгнув бровь.

– Истон, положи трубку, – приказал Джек.

Он попытался выхватить у меня телефон, но я оттолкнула его руку и рявкнула, показывая вперед:

– Смотри на дорогу!

– Истон, я серьезно, – прорычал Джек. – На Тайлера Марека работает более десяти тысяч человек. Он без пяти минут сенатор, если уж на то пошло. Куда тебе с ним тягаться.

Я округлила глаза. Куда мне?

Джек беспокоился о своей карьере, но мне было все равно, кто такой Марек. Он такой же мужчина, как и все остальные. Мужчина – и никто другой.

– Мисс Брэдбери.

Я отвернулась от брата, внезапно услышав голос Марека в трубке. Грудь наполнилась сладким предвкушением, и я опустила взгляд, раздосадованная тем, что неподдельно разволновалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Марди Гра (Mardi Gras) – традиционный карнавальный веселый праздник, который является мировым аналогом Масленицы (здесь и далее прим. пер.).

2

Каллиопа – паровой орган, использующий локомотивные или паровозные гудки.

3

Рыцари Колумба – католическое движение римско-католической церкви, христианское братство, объединяющее практикующих мужчин-католиков и основанное для благотворительной, социальной деятельности.

4

Миллиардер, имевший серьезное психическое заболевание.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/penelopa-duglas/durnoe-povedenie>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)